

Քեօմուրճեանը եւ նշանաւոր հոգեւորական Մինաս Համթեցին:

ԺԸ. դարի առաջին տասնամեակների ընթացքում իրադարձութիւններն աւանդելու պատկերաւոր ոճը, իրադարձութիւնները հանգամանօրէն, երբեմն նոյնիսկ կենցաղային մանրամասներով հաղորդելու ձգտումը, ընթերցողների հետ հաղորդակցուելու անմիջականութիւնը հանդէս են գալիս նոյնիսկ աւանդական պատմագրու-

թեան մէջ: Ժամանակի հայոց կաթողիկոս Աբրահամ Կրեատացին շարադրել է Պատմութիւն, որը, սակայն, ժանրային առումով աւելի շուտ ապաւորութիւնների անմիջական արձանագրում է՝ յիշատակարան-յուշագրութիւն:

Պատմագրութեան մէջ դիտուող հեռանկարային միտումներին էլ վիճակուած էր վճռորոշ դեր կատարել նոր ժամանակներում:

ЛЕВ-АГНЕЦ СРЕДИ ТИПИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ МОНЕТ И ПЕЧАТЕЙ ЛЕВОНА II(I)

Самвел Григорян

Левону Григоряну, льву и потомку львов,
с глубокой признательностью посвящается

Иконографию монет и печатей Левона I Рубеняна (1187/1198-1219), сына Стефана, отличает разнообразие изображений львов. Все они относятся к королевскому периоду его правления¹. Этот властитель Киликии, Исаврии и части Памфилии короновался 6 января 1198 г.² Тагавором, то есть, королём Армении/Армянским/всех армян³, основав тем самым на перечисленных землях Армянское королевство⁴. На сохранившихся же медных моне-

тах Левона докоролевского периода (1187-6 января 1198) львиные изображения и мотивы отсутствуют.

На их лицевой стороне представлен иной образ – скачущий влево⁵ всадник в рыцарском вооружении, на обратной же запечатлён равнососторонний крест⁶, у завершения которого изображены полые кружки, а в квадрантах – знаки полумесяца. Легенда аверса – «Левон слуга Господа» (ԼԵՒՈՆ ՄԱՌԱ ԱՅ), реверса – «сын Стефана» (ՈՐԴԻ ԱՏԵՖԱՆԷԻ). Качество исполнения и сохранности этих монет не позволяет сделать однозначный вывод, имеется ли у всадника щит – из доспехов различим только шлем. Невидимой правой рукой он удерживает древко – вероятно, копьё – с вексиллоидом, на рисунке которого заметны три длинные, узкие полосы (ленты, «хвосты», косы), отходящие то ли от древка, то ли от прикреплённого к древку прямоугольного по-

¹ Y. T. Necessian. *Armenian coins and their values*. Los Angeles, 1995, p. 108-122, plates 18-24 (253-278, 282-313); G. Schlumberger. *Bulles d'or et sceau des rois Léon II(I) et Léon VI(V) d'Arménie*. Paris, 1893, p. 1-2.

² Относительно года коронации Левона I существуют различные мнения. Ряд исследователей полагают, что она имела место 6 янв. 1199 г. Мы не разделяем их точку зрения и поддерживаем развёрнутый комментарий на данную тему Л. Тервёрянна. – см.: Л. Տէր-Պետրոսեան. *Խաչապիտիքը եւ հայերը*, հտ. Ա, Երևան, 2005, էջ 399, ծ. ա.

³ Варианты формулировки королевского титула Левона I приведены по легендам монет и печатей, на которые мы неоднократно ссылаемся в настоящей статье, а также по его грамотам и корреспонденции. – см.: V. Langlois. *Le trésor des chartes d'Arménie ou cartulaire de la chancellerie royale des Roupéniens*. Venise, 1863, p. 105-126.

⁴ Միջին Արարատ. *Տարեգրք*, աշխատասիրութեամբ Ս. Ազիլեանի, Վեներիկ, 1956, URL <http://www.digilib.am/digilib/?menu=&wrk=285&wrpg=0&aurp=0> (25.10.2012), թիվ 647; Le *con-nétable Sempad. Chronique du royaume de la Petite Arménie*. – In: *Recueil des historiens des Croisades, Documents arméniens*, t. I (далее RHC DA I), Paris, 1869, p. 634. В работе над настоящей статьёй мы в основном используем издание

манускрипта, хранящегося в матенадаране Конгрегации мхитаристов на о. Св. Лазаря в Венецианской лагуне, поскольку он более ранний – см.: Л. Բարսեղեան. *Միջին Արարատը եւ «Տարեգրքի» հեղինակի հարցը*. – Պատմա-աշխարհային հանդես (далее ՊԲՀ), Երևան, 1976, հոս 1, էջ 244. На эчмиадзинский список Лепетоси Смбата Гундстабля (изданный в Париже) мы ссылаемся только по мере необходимости.

⁵ Поскольку мы не рассматриваем данное изображение как геральдическое, стороны здесь определены обычным образом.

⁶ Некоторые завершения креста этих монет более характерны для так называемого лапчатого (широкого на концах) типа креста, другие – для ко-стыльного.

лотница (илл. 1а)⁷. Их наличие позволяет предположить, что этот вексиллоид является гонфаноном⁸. Некоторые исследователи относят к чеканке Левона Армянского и анэпиграфические биллонные денье неопределённой атрибуции, на аверсе которых запечатлён скачущий влево или вправо всадник в шлеме (без щита), удерживающий древко с таким же гонфаноном о трёх косах, а на реверсе - равно-сторонний крестильный крест, кантонированный четырьмя буквами Δ Ν Τ Ο (илл. 1б)⁹.

Копейные флажки такого типа можно увидеть и на других изображениях, относящихся к периоду созданного Рубенянами государства. В частности, они присутствуют на миниатюре «Возвращение волхвов» Евангелия 1262 г., иллюстрированного Торосом Рослином (илл. 3)¹⁰, а также на одной из сцен хранящейся в Конгрегации мхитаристов на о. Св. Лазаря в Венеции армянской версии «Романа об Александре» (датируется концом XIII - началом XIV вв. или около 1300-1325 гг.)¹¹. Последний из этих гонфанонов

7 **Nercessian**, op. cit., p. 107 - 108, plate 18 (250 - 252). На одном из сохранившихся экземпляров древко в руке всадника отсутствует.

8 **W. G. Crampton**. *The complete guide to flags*. New York City, 1990, p. 133.

9 **A. G. Malloy, I. F. Preston, A. J. Seltman**. *Coins of the Crusader states, 1098-1291*. New York, 1994, p. 234-235 (135, 136); **G. Schlumberger**. *Numismatique de l'Orient Latin*. Paris, 1878, p. 56, pl. III, 11.

10 Հայերեն ձեռագրերի յիշատակարաններ, ԺԳ դար, կազմեց Ա. Ս. Մաթեոսեան. Երևան, 1984, էջ 314 - 316; The Walters Art Museum in Baltimore, Maryland. Ms. W. 539, fol. 19 r., URL http://www.thedigitalwalters.org/Data/WaltersManuscripts/W539/data/W.539/sap/W539_000043_sap.jpg (24.11.2013).

11 О датировке этого манускрипта см.: **G. Traina, C. Franco, D. Kouymjian, C. Veronese Arslan**. *La storia di Alessandro il Macedone. Codice miniatto armeno del secolo XIV* (Venezia, San Lazzaro, 424). Padova, 2003, vol. II, p. 11, 24-26; **Kouymjian D.** Did Byzantine iconography influence the large cycle of the life of Alexander the Great in Ar-

мянском является аналогичная сцена печатей Боэмунда III, князя Антиохии - того места, где Левон был посвящён в рыцари. На одной из них изображён скачущий влево всадник в боевом облачении (включая шлем), держащий правой рукой копьё с гонфаноном о двух косах, а левой - длинный, сужающийся книзу щит, вероятно, норманнского типа (илл. 1с). На другой печати князя количество лент гонфанона равняется четырём¹⁹.

Этот типический образ использовался и другими соседями и родственниками Рубенянов из числа франков. В частности, Рубенянов из числа Жослена, сеньора Тивериады (1112-1119/1120), также изображён скачущий влево всадник, удерживающий щит и копьё с гонфаноном - в данном случае, о трёх косах²⁰. Впоследствии обладатель этой печати стал известен как Жослен (I), тот самый граф Эдессы (1119-1131), который был женат на княжне из дома Рубенян - тётке Стефане, отца Левона²¹. Именно в Эдессе Стефане нашёл убежище, когда Киликия в 1137-1145 гг. была временно занята ромеями²².

В качестве другого примера можно привести изображение печати Понса, графа Триполи (1112-1137): скачущий влево рыцарь анфас со щитом, в коническом шлеме, держащий знамя с тремя отходящими от прямоугольного полотнища

Присутствие распространённого в XII в. Европе типического изображения всадника-рыцаря на меди парона Армянского можно объяснить как прямыми контактами Киликийской Армении с европейскими странами, так и её близким соседством с государствами крестоносцев, родством Рубенянов с их правителями. В этой связи следует заметить, что данный образ встречается также на печатях родственника Левона Рубеняна Боэмунда III (1163-1201)¹⁴, князя приграничного Армении Антиохийского княжества. Парона Армянского связывали с ним в 1187-1198 гг. переменные (включая перемену сеньориально-вассальных связей) и порой весьма конфликтные отношения¹⁵. Но чуть раньше, в правление Рубена III (1175-1187), брата Левона, последний был посвящён Боэмундом в рыцари¹⁶.

Примечательно, что Левон сын Стефане является первым из Рубенянов, который обрёл рыцарское достоинство¹⁷, и первым же из них, на монетах которого появляется образ государя-рыцаря¹⁸. Можно предположить неслучайность данного совпадения и возможную связь между указанными обстоятельствами. Также представляется вероятным, что одним из «прототипов» рассматриваемого образа монет

14 Левон Рубенян был женат первым браком на племяннице Сивиллы, третьей жены Боэмунда III. - см.: **W. H. Rüdts-Collenberg**. *The Rupenides, Hethumides and Lusignans. The structure of the Armeno-Cilician dynasties*. Paris, 1963, tables I (27, 27 bis), VI, p. 52-53.

15 Подробнее об этом см.: **Լ. Տէր-Պետրոսեան**. *Խաչատրեանցի և Բախտը*, Բն. Բ, Երևան, 2007, էջ 158-163, 168-176.

16 *Chroniques d'Amadi et de Strambaldi*, publiées par M. René de Mas Latrie. Première partie. Chronique d'Amadi. Paris, 1891, p. 88; **Տէր-Պետրոսեան**, 62-աշխ., Բն. Բ, էջ 162.

17 Если, конечно, судить по сохранившимся источникам.

18 **Nercessian**, op. cit., p. 104-108, plate 18 (245 - 252); **P. Z. Bedoukian**. *Coinage of Cilician Armenia*. Danbury, 1979, p. 128-129, plate I (1-4).

menian manuscripts? - Byzantium and Renaissances. Dialogue of cultures, heritage of Antiquity, tradition and modernity. Warszawa, 2012, p. 212 and comments to ill. 61.

12 Վեներիկի Մխիթարեանց Մատենադարան (ՎՄՄ), ձեռ. 424, Թերթ 89ր. Мы выражаем глубокую признательность Цифровой библиотеке армянского книжного наследия (Հայ մատենագրութեան թուանշարին գրադարան, www.digilib.am) за изображение миниатюры из «Романа об Александре», другие иллюстративные материалы и тексты, использованные в работе над настоящей статьёй.

13 **В. Антонов**. *Датская геральдика XII-XVII вв.* Москва, 2008, с. 98, 103-108, 115; **А. Демурже**. *Рыцари Христа*. Санкт-Петербург, 2008, с. 26-34.

19 **G. Schlumberger, F. Chalandon, J.- A. Blanchet**. *Sigillographie de l'Orient latin* (Bibliothèque archéologique et historique, t. XXXVII). Paris, 1943, p. 34, pl. XVI, 6; **Chandon de Briailles**. *Bulletin de l'Orient latin*. - In: Syria, 1950, t. 27, fascicule 3-4, p. 288-289, pl. XIII, 6.

20 **Schlumberger - Chalandon - Blanchet**, op. cit., p. 56.

21 **Rüdts-Collenberg**, op. cit., table I (5, 16, 27), p. 49-50, 52.

22 **Հերոսի Պատմիչ**. *Պատմութիւն ազգին Ռուբինեանց, թէ որպէս տիրեցին Կիլիկիոյ*. - Մանր ծանակագրութիւններ, XIII-XVIII դդ. (далее ՄԺ II). Երևան, 1956, Բն. II, էջ 100; **Անանի Բ**. *Պատմութիւն արքայ Բարսեղի մերոց*. - Տէր-Պետրոսեան, 62-աշխ., Բն. Բ, էջ 515.

узкими лентами. Древко знамени согнуто под прямым углом, на полотнище - во всю его ширину и длину - крестовый знак (илл. 1d)²³. Аналогичный рисунок - включая сужающийся книзу треугольный щит, конический шлем, копье с гонфаном о трёх косах - запечатлён на аверсе буллы внука Понса Раймонда III, графа Триполи в 1152-1187 гг. (илл. 1e). Особенностью данной вариации рыцарского образа является то обстоятельство, что лошадь под всадником скорее идёт, чем скачет²⁴.

Скачущего вооружённого рыцаря с развевающимся на конце копья гонфаном можно увидеть также: на реверсе печати Онфруа, владетеля Торона и Баниаса, коннетабля Иерусалимского королевства в 1153-1179 гг., чья внучка Изабелла стала женой Рубена, старшего брата Левона II(I)²⁵; на аверсе печати Гийома де Бура, принца Галилеи (ок. 1120-1141), коннетабля и балы Иерусалимского королевства, чей внучатый племянник Ост (Отто Тивериадский) в статусе вассала первого короля Армении значится среди участников коронации 1198 г., а также свидетелей грамот Левона I и его внучатого племянника Рубена, князя Антиохии²⁶; и т.д.

23 Schlumberger – Chalandon – Blanchet, op. cit., p. 58-59, pl. XVIII, n. 5; Chandon de Briailles, op. cit., p. 285-286, pl. XIII, 3.

24 J. Yvon. *Monnaies et sceaux de l'Orient latin*. – In: *Revue numismatique*, Paris, 6e série, 1966, t. 8, p. 107, pl. III, 17.

25 Chandon de Briailles, op. cit., p. 287-288, pl. XIII, 5; Rüdtt-Collenberg, op. cit., table I (25, 25 bis), p. 51-52; G. Schlumberger. *Monnaie inédite des seigneurs du Toron en Syrie*. – In: *Revue archéologique*, nouvelle série, 16e année, v. 29, Paris, 1875, p. 224-226; *Les familles d'Outre-mer de Du Cange*, publiées par E.-G. Rey. Paris, 1869, p. 469-470.

26 Chandon de Briailles, p. 286-287, pl. XIII, 4; *Uşruşun Uşruşun*, p. 647; Langlois, *Le trésor*, p. 116, 123, 125, 133, 134, 136, 139; G. Dédéyan. *Les listes "féodales" du pseudo-Smbat*. – In: *Cahiers de civilisation médiévale*, 32e année (n.° 125), janvier-mars 1989, p. 30, 40; *Les familles d'Outre-mer*, p. 44-456.

От примеров из истории государств крестоносцев перейдём к следующим. Среди европейских государей мы хотели бы выделить тех, с которыми Левона Рубеняна в 1180-90-х гг. связывали особые отношения, основанные на стремлении последнего получить королевскую корону. Речь идёт о Фридрихе I Барбароссе и Генрихе VI, отце и сыне, императорах Священной Римской империи в 1152-1190-х и 1190-1197-х гг. соответственно. Весьма вероятно, что перспектива обрести в одном из них своего сюзерена способствовала особому вниманию Левона и его подданных к символике императоров «Старого Рима», каналами заимствования которой могли служить известные дипломатические миссии сторон ко дворам друг друга, а также прохождение большого германского войска через Армению в 1190 г. в ходе неудавшегося крестового похода²⁷.

На некоторых экземплярах брактеев Фридриха I и Генриха VI изображён обращённый влево (чаще) или вправо коронованный всадник анфас, левая рука которого держит сужающийся книзу щит, а правая – древко с вексиллоидом, состоящим из прямоугольной части и отходящих от неё полос или лент (илл. 2а, 2б)²⁸. Мы полагаем, что данные типы монет перспек-

27 Об отношениях Левона с императорами Священной Римской империи Фридрихом I Барбароссой и Генрихом VI в свете перспектив получения пароном Армянским королевской короны см.: *Ղ. Ալիշան. Սրտան. Համագրություն Հայկազարի Կիլիկիայի և Լեւոնի Մեծագործ. Վեցերիկ*, 1885, URL <http://www.digilib.am/digilib/?menu=&wvk=1324&wprg=0&aurpg=0> (05.11.2012), դրուագ Բ (Ա, Բ), դրուագ Դ (Ա, Դ) (Мы не располагаем копиями всех страниц этого фундаментального труда Г. Алишана, поэтому в ряде случаев ссылаемся на электронный ресурс); *Տէր-Պետրոսեան*, գլ. աշխ. հուն. Բ, էջ 180-182, 186-190.

28 H. Ph. Sappe. *Die Münzen der deutschen Kaiser und Könige des Mittelalters*, Abt. II. Dresden, 1850, p. 17 (81; Taf. VIII, 61), p. 28-29 (126, 127, 129; Taf. VIII-IX, 62, 71, 72); A. Suhle. *Münzbilder der Hohenstaufenzeit. Meisterwerke romanischer Klein-kunst*. Leipzig, 1938, p. 86, ill. 33.

тивных сюзеренов Левона также могли послужить оригиналом для создания аналогичных образов его монетной символики. Однако следует отметить, что всадник в данных случаях представлен не в рыцарском облачении; в частности его голова несёт не шлем, а корону²⁹.

Судя по нумизматическим данным, после того как парон Армянский Левон (II) стал королём Левонем I (6 янв. 1198 г.), символическое содержание его монет и печатей изменилось - в сторону появления на них изображений львов³⁰. Данное изменение соотносится со сведениями одного из отрывков хронографии Нерсеса Палианенца, где упоминается посланный Левону императором Священной Римской империи Генрихом VI (1191-1197) гербовый лев. Этому автору середины XIV в., происходившему, вероятно, из семьи со смешанным армяно-франкским происхождением³¹, принадлежит самое ценное пись-

29 Рыцарские образы (образы всадников) печатей и монет государей XII в. весьма многочисленны. Для сравнительного исследования мы решили отобрать те из них, которые принадлежали современному Левону II(I) императорам Священной Римской империи, а также равным по рангу соседям Рубенянов, некоторые из которых были их родственниками. Ещё одним условием нашего отбора было присутствие в рисунке образа вексиллоида, похожего на гонфанон.

30 Necessian, op. cit., p. 107-122, plates 18-24 (250-314).

31 Предположение о его происхождении и фамильных связях можно сделать на основании того, как он себя называл: Палианенц (Պալիանենց) или Палианци (Պալիանցի). – см.: Ներսես Պալիանցի ժամանակագրական հիշատակները (XIV դ.). – ՄԺ II, էջ 179; Ներսես Պալիանցի Հայոց թագավորների և իշխանների կարգը (XIV դ.). – ՄԺ II, էջ 196. Известно несколько браков невест и женихов семейства Гетумян с одним из влиятельнейших домов Иерусалимского и Кипрского королевств Ибелинами, в роду которых было принято собственное имя Балиан. Мальчиков из их смешанного армяно-франкского потомства также иногда называли Балианами/Палианами (Պալիան). – см.: Հայերեն ձեռագրերի իշխանակարաններ, ԺԳ դար, էջ 410-412; Rüdtt-Collenberg, op. cit., table IIIa. Клирик Нерсес Па-

менное свидетельство об армянском геральдическом прошлом.

Во фрагменте, о котором идёт речь, сообщается о пышном короновании и помазании парона Левона королём Армянским. Согласно Палианенцу, совершил эти процедуры - по воле Римской церкви и повелению императора - прибывший в Киликию с обозначенной миссией архиепископ Майнцский. Рассказывая об этом празднике, хронист не только снабжает читателей ценнейшими сведениями геральдического и эмблематического характера, но и употребляет примечательные фразы, позволяющие сделать вывод о высокой степени его компетентности в данной теме.

Արքեպիսկոպոսն Մաւնցիոյ... կամ ընդ եկեղեցոյն Հոռոմայ եւ հրամանաւ վերոյ ասացեալ կայսերու եկեալ ի Կիլիկեայ ի քաղաքն Տարսոն, յեկեղեցի սրբոյն Սօֆիայ, թագեալ շքեղասպէս եւ օրհնեալ օծեաց ի թագաւոր Հայոց գալարոն Լեւոն, որ էր պարոն Հայոց եւ տէր Կիլիկոյ... Որ եւ տաւ նմա ի կայսերէն ունել նշան եւ նշանակ ըստ անուանն իր ամիծ, գորտաինն եւս, եւ սօվորին թագաւորքն Հայոց մինչեւ ցալսօր, զի նախնի թագաւորքն Հայոց յարեւելս սրծուայնն էին, որպէս եւ պատմութիւնքն Հայոց ցուցանէ:³² || Արքեպիսկոպոսն Մաւնցիոյ... ըստ իր անուանն իր ամիծ, գորտաինն եւս, եւ սօվորին թագաւորքն Հայոց մինչեւ ցալսօր, զի նախնի թագաւորքն Հայոց յարեւելս սրծուայնն էին, որպէս եւ պատմութիւնքն Հայոց ցուցանէ:³² || Արքեպիսկոպոսն Մաւնցիոյ... ըստ իր անուանն իր ամիծ, գորտաինն եւս, եւ սօվորին թագաւորքն Հայոց մինչեւ ցալսօր, զի նախնի թագաւորքն Հայոց յարեւելս սրծուայնն էին, որպէս եւ պատմութիւնքն Հայոց ցուցանէ:³² || Արքեպիսկոպոսն Մաւնցիոյ... ըստ իր անուանն իր ամիծ, գորտաինն եւս, եւ սօվորին թագաւորքն Հայոց մինչեւ ցալսօր, զի նախնի թագաւորքն Հայոց յարեւելս սրծուայնն էին, որպէս եւ պատմութիւնքն Հայոց ցուցանէ:³² ||

32 Ներսես Պալիանցի ժամանակագրական հիշատակները, էջ 180.

дический характер данных рисунков не очевиден - чрезмерная «портретность» и акцентированная образность львов большинства монет и особенно булл Левона I нехарактерны для гербовых знаков животных⁴². Эти приёмы, вероятно, призваны усилить «читабельность» и эффект символических смыслов, заложенных в образе. Указанное обстоятельство вряд ли можно считать отступлением от правил, поскольку речь идёт о конце XII-начале XIII в., то есть времени, когда геральдика находилась в стадии зарождения, и её каноны ещё не успели сформироваться и устояться. Следует иметь в виду и то, что целью создателей львиных изображений монет и печатей первого короля Армении могла быть не столько демонстрация его герба, сколько передача упомянутых смыслов.

Настоящая статья - как следует из её названия - посвящена одному из львиных типов символики Левона I. Мы имеем в виду тот образ, который в описании реверса его золотой печати, скрепившей хартию от 15 марта 1215 г. о подтверждении имевшихся и пожаловании новых привилегий генуэзцам, охарактеризован как «лев наподобие Агнца Божьего» (leo quasi Agnus Dei). Следует особо подчеркнуть, что данная характеристика принадлежит современнику Левона I, имперскому нотариусу генуэзцу Николаусу де Порте⁴³.

Подобный образ можно увидеть и на оборотной стороне дидрамов, полудидрамов, трёх экземпляров золотых монет первого короля Армении, других его золотых булл. Это коронованный лев настороже

42 По замечанию М. Пастуро, превращение герба в картину противоречит духу геральдики. - см.: Пастуро, *Геральдика*, с. 53.

43 Langlois, *Le trésor*, p. 127; V. Langlois, *Essai historique et critique sur la constitution sociale et politique de l'Arménie sous les rois de la dynastie Roupenienne*. - In: *Mémoires de l'Académie impériale des sciences de St.-Petersbourg*, St.-Petersbourg, VIIe série, 1860, tome III, n. 3, p. 13.

(lion guardant)⁴⁴, удерживающий согнутой, дальней от зрителя передней лапой длинный посох (жезл), увенчанный крестовым знаком. У данного образа имеются вариации. Лев монет неподвижен, статичен (lion statant); фигуре же льва печатей придана динамика, на основании чего можно заключить, что в данном случае речь скорее идёт об «идушем льве» (lion passant). Кроме того, различны типы крестовых знаков посоха: на буллах - лапчатый (на концах) крест, на монетах - патриарший (илл. 5а, 5б)⁴⁵. Таким образом, две представленные вариации могут быть блазонированы следующим образом: lion statant/passant guardant couronné, tenant un bâton sommé d'une croix patriarcale/pattée (стоящий/идуший коронованный лев, держащий посох, увенчанный патриаршим/лапчатым крестом)⁴⁶.

Особое внимание привлекает поза лапы животного. Она согнута и хранит крестовидный жезл таким же образом, как это принято на распространённых в западноевропейской средневековой религиозной и владетельной символике типичных изображениях Агнца Божьего (Գառնի Աստուծոյ/Agnus Dei), держащего посох с

44 Данный геральдический термин («лев настороже», lion guardant) означает, что морда животного смотрит на зрителя, повернута в его сторону.

45 Schlumberger, *Bulles d'or*, p. 1-3, photo II; Nersessian, op. cit., p. 109, 113-114, plates 18, 20-21 (253, 268-272, 274-276); Bedoukian, op. cit., p. 66a, 70, 76, plate II (17, 22, 34, 49, 66, 68, 77v); Gourdon de Genouillac H. *Grammaire héraldique contenant la définition exacte de la science des armoiries...* Paris, 1853, p. 40, pl. 4, fig. 8.

46 На большинстве сохранившихся экземплярах монет, а также на всех печатях лев имеет стандартное обращение, то есть он обращён вправо (в геральдике правая и левая стороны определяются с точки зрения человека, держащего щит, а не взглядом смотрящего на него). Однако на некоторых образцах геральдический хищник имеет обратное, то есть нестандартное обращение - Nersessian, op. cit., p. 113-114, plate 20 (272, 275); Bedoukian, op. cit., plate II (66).

крестом или крестовое знамя⁴⁷. Как мы отметили выше, живший в конце XII-начале XIII вв. Николаус де Порте констатирует эту схожесть уподобляющим определением *leo quasi Agnus Dei*.

С. Дер-Нерсисян обратила внимание на то, что до XII в. символизирующий Христа Агнец Божий в армянском искусстве не встречается; а в византийском он вышел из употребления после Трулльского собора 692 г., запретившего представление Спасителя в таком виде. На этом основании она была склонна связать появление агнца на листах манускриптов Ромклы и Скевры (2-я половина XII в.) с началом эпохи Крестовых походов, когда армянский мир Киликии, Приевфратья, франкской Сирии вступил в прямое и тесное сообщение с западноевропейскими культурами⁴⁸. Заимствование образа могло произойти как непосредственно из Европы, так и у франков соседних государств крестоносцев, поскольку религиозная и владетельная символика была частью «багажа» отправлявшихся в Заморье воинов и клириков.

Проиллюстрируем данное мнение следующим примером. В связи с темой вероятного заимствования рассматриваемого образа у франков исследователи искусства армянских миниатюр, монет и печатей отмечают присутствие изображений агнца на медных монетах, относимых к периоду происходившего из Тулузского дома Раймонда III, графа Триполи (1152-1187), старшего современника Левона I (илл. 6)⁴⁹.

47 S. Der-Nersessian. *Miniature painting in the Armenian kingdom of Cilicia from the twelfth to the fourteenth century*, vol. 1. Washington D. C., 1993, p. 5-6.

48 S. Der-Nersessian. *Armenian manuscripts in the Freer Gallery of Art*. Washington, 1963, p. 23; S. Der-Nersessian. *Manuscrits arméniens illustrés des XIIe, XIIIe et XIVe siècles de la bibliothèque des pères mekhitaristes de Venise*. Paris, 1937, p. 62.

49 Der-Nersessian, *Miniature painting in the Armenian kingdom of Cilicia*, p. 6; Bedoukian, op. cit., p. 59.

При этом ещё Г. Шлюмберже было замечено, что такое же изображение запечатлено на отчеканенных в ателье Сен-Жиля денье и оболах Альфонса I Журдана и Раймонда V, графов Тулузы в 1112-1148 гг. и 1148-1194 гг. соответственно⁵⁰. Поскольку все они восходят к общему предку - одному из вождей Первого Крестового похода Раймонду Сен-Жильскому (Ջնճրի /Znčil Маттеоса Урхаеци⁵¹), которого исчисляются четвёртым графом Тулузы (1094-1105) и первым графом Триполи (до 1105 г.) с таким именем, «перемещение» монетного агнца из Сен-Жиля на сирийский берег представляется очевидным.

Не исключая влияния триполитанского типа на армянскую символику, мы в то же время полагаем, что он не мог быть прототипом Агнца Божьих манускриптов Скевры и Ромклы, льва-агнца монет и печатей Левона I, поскольку они несколько отличаются по положению крестового предмета (символа). У «триполитанца» он возникает из-за спины животного (как и у одиночных львов отдельных редких драмов и дидрамов Левона, которые будут рассмотрены ниже), у армянских образцов - хранится в его лапе⁵². А вот на реверсе некоторых экземпляров монет Фридриха I Барбароссы Агнец Божий держит завершающийся крестом посох именно так, как

50 Schlumberger. *Numismatique de l'Orient latin*, p. 103, pl. IV, 8; D. M. Metcalf. *Coinage of the Crusades and the Latin East*. London, 1995, p. 159; F. Poey d'Avant. *Monnaies féodales de France*, vol. 2. Paris, 1860, p. 253-254 (3714, 3718).

51 Պատմություն արարեալ Մատթէոսի մեծի քահանայի Որոնայեցոյ վասն Բարսառունեաց թագաւորացն եւ այլոց քահանայի զճ թուականէն սկսեալ մինչեւ ի ՌԺԱ թիւն սարտաւ, URL <http://www.digilib.am/digilib/?menu=&wrk=1459&wrpg=0&aupg=0>, (25. 10. 2013), մասն երկ-րորդ, թթ. ՉԽԵ (545), ՉԽԶ (546), ՉԽԷ (547) etc.

52 Данное отличие подмечено, в частности, С. Дер-Нерсисян и З. Птукьяном. - см.: Der-Nersessian, *Armenian manuscripts in the Freer Gallery of Art*, p. 24; Bedoukian, op. cit., p. 59.

это делает лев-агнец Левона – согнутой передней лапой (илл. 7а, 7б)⁵³.

Нам известны несколько изображений Агнца Божьего армянских манускриптов XII в. Из них хронологически первым является тот, что изображён на заставке Евангелия от Иоанна⁵⁴ Ромклайского ЧетвероЕвангелия 1166 г. (илл. 8а)⁵⁵. Отметим, что расположенная на берегу Евфрата Ромкла в 1-й половине XII в. являлась частью Эдесского графства, франкские правители которого состояли в родстве с армянскими государями. Последним графом Эдессы⁵⁶ был Жослен II де Куртне (1131-1150), внук по матери Константина Рубеняна (ум. ок. 1100 г.), владельца Вахи и Горной Киликии⁵⁷. В дни гибели графства жена Жослена передала католикосу Григору III из рода Пахлавуня (1113-1166) входившую в состав владений супруга Ромклу, куда тот перенёс свою резиденцию и перевёз членов семейства⁵⁸. До

53 Н. Ph. Carpe. *Die Münzen der deutschen Kaiser und Könige des Mittelalters*, Abt. I. Dresden, 1848, p. 138-139 (632, 633; Taf. XVI, 257, 258).

54 В связи с тем, что именно в тексте этого евангелиста Иоанн Креститель дважды называет Спасителя «Агнцем Божьим»: «Յաշորդ որը Յովհաննէսը տեսա Յիսուսին, որ գալիս էր դէպի իրեն, եւ ասաց. – Ահա Աստծու Գառը, որ վերացնում է աշխարհի մեղքը:» – Յովհ. 1:29; «Տեսնելով, որ Յիսուսն անցնում էր այդտեղից, ասաց. – Ահա Աստծու Գառը:» – Յովհ. 1:36. В большинстве других нижеперечисленных рукописях периода государства Рубенянов иллюстраторы украсили образом Агнца именно заставку Евангелия от Иоанна.

55 Երեւանի Մատենադարան (ԵՄ), ձեռ. 7347, ր. 265ա. Лист, на котором он изображен, повреждён, из-за чего голова агнца не видна.

56 если не считать титулярных.

57 *Տէր-Պետրոսեան*, Գ2, աշխ. հտ. Բ, էջ 112; **Rüdt-Collenberg**, op. cit., table I (2, 5, 6, 13, 14, 16), p. 49-50.

58 Согласно Летописи Смбата Гундстабля, позднее католикос внёс плату за Ромклу и получил грамоту о том, что она «навсегда останется престолом патриархов Армянской церкви». – см.: *Սմբատ Սպարապետ*, ր. 599. Рассказы летописцев (Смбат Гундстабль, Киракос Гандзакечи, Вардан Аревелци) о приобретении католикосом

этого святой престол располагался в замке Цовк у границ области Тлук, то есть, также на территории Эдесского графства⁵⁹, из чего можно сделать вывод, что Жослен II и его предшественники являлись сюзеренами Григора Пахлавуня как владельца этого ишхана.

Мы полагаем не случайным, что самое раннее изображение Агнца Божьего содержится в манускрипте, созданном в Ромкле. Сложившиеся в первой половине XII в. тесные контакты армянской знати и духовенства Приевфратья с тамошними франкскими баронами и клириками являлись благодатной средой для заимствования различных культурных традиций, в том числе из области религиозной символики. Конец Эдесского графства (1150 г.) не означал прерывания этих связей, поскольку соседство Ромклы и Армянской Киликии с сирийскими государствами крестоносцев продолжало служить весьма востребованным каналом взаимовлияний. Не говоря уже о прямых контактах между армянской и латинской церквями, которые имели место в обеих половинах XII в.⁶⁰ Учитывая место и дату создания вышеупомянутого ЧетвероЕвангелия, можно предположить, что католикос из Дома Пахлавуня выступил своеобразным покровителем и «спонсором» первого появления

Ромклы содержат существенные отличия. Подробный обзор на эту тему представлен Ж. Дедьяном. – см.: **G. Dédeyan. Les Arméniens entre Grecs, Musulmans et Croisés**. Lisbonne, 2003, vol. 2, p. 1258-1262.

59 *Սմբատ Սպարապետ*, ր. 589; В. Степаненко. Рубениды Киликии и графы Эдессы в первой половине XII в. (к структуре графства Эдесского). – *Античная древность и Средние Века*, вып. 25 (Византия и сопредельный мир), Свердловск, 1990, с. 152-157.

60 **P. Halfter. Das Papsttum und die Armenier im frühen und hohen Mittelalter. Von den Ersten Kontakten bis zur Fixierung der Kirchenunion im Jahre 1198**. Köln – Weimar – Wien, 1996, p. 122-143, 148-182.

западноевропейского Agnus Dei в армянском искусстве⁶¹.

Впоследствии этот образ стал одним из самых популярных в армянской религиозной символике, фамильной и персональной эмблематике, геральдике и даже вексиллологии. В целях настоящей статьи ограничимся упоминанием ещё нескольких армянских манускриптов периода Рубенянов, содержащих изображения Агнца Божьего – это ЧетвероЕвангелие Скевры 1193 г.⁶², ЧетвероЕвангелие Млича и Скевры 1198 г.⁶³, Ромклайские ЧетвероЕвангелия 1253 г.⁶⁴ и 1262 г.⁶⁵ Один из них мы хотели бы выделить особо. Агнец Божий рукописи 1198 г. одновременен коронации Левона I. В её памятной записи вслед за указанием даты идёт сообщение о том, что она написана в год «освящения

61 Поскольку мы судим по сохранившемуся наследию, то должны оговориться: если, конечно, это появление действительно было первым.

62 ՉՄՄ, ձեռ. 1635. Изображение предоставлено Цифровой библиотекой Армянского книжного наследия.

63 Biblioteka Narodowa (Warszawa), Rps 8101 III, URL <http://www.polona.pl/item/453205/0/> (28.10.2013). Данное ЧетвероЕвангелие известно как Скевское или (по городу хранения до второй мировой войны) Львовское. С уважением относимся к сложившейся традиции, мы в то же время в целях настоящей статьи называем рукописи по месту их создания. В памятной записи этого манускрипта 1198 г. указано, что он «был написан в двух прославленных обителях» западной части Киликийской Армении: начат в Мличе и завершён в Скевре. – см.: *Հայերէն ձեռագրերի իշխանապարսններ*, Ե-ԺԲ դդ., էջ 300.

64 Нынешнее место хранения – Галерея Фрира и Саклера (Смитсоновские музеи азиатского искусства, Вашингтон, округ Колумбия). Номер рукописи по С. Дер-Нерсисян – FGA 44.17. – см.: **Der-Nersessian, Armenian manuscripts in the Freer Gallery of Art**, p. 18.

65 The Walters Art Museum in Baltimore, Maryland. Ms. W. 539, URL <http://www.thedigitalwalters.org/Data/WaltersManuscripts/html/W539/description.html> (28.10.2013).

христоролюбивого Левона Робинеанца тагавором Армянским»⁶⁶.

Изображения Агнца Божьего – оттисков печатей – сохранились также на полях переписанного архиепископом Тарсона и настоятелем Скевры⁶⁷ Нерсесом (1153-1198) манускрипта 1195 г. (Толкования на ЧетвероЕвангелие Ефрема). Этот знаковый деятель предкоронационных лет Левона II(I) упоминается в источниках как Нерсес Ламбронаци⁶⁸ (по замку рождения) или Скевраци⁶⁹ (по одному из мест служения).

Сопоставив Агнцев Божьих перечисленных рукописей с вышеописанным левом монет и печатей Левона I, С. Дер-Нерсисян и З. Птукян дали оценку, согласную с уподоблением *leo quasi Agnus Dei* Николауса да Порты⁷⁰. По нашему мнению, сходство между типами действительно имеет место, вплоть до «мелких» деталей (илл. 8а-8ф)⁷¹. Заключённые в золотое поле медальона⁷² агнцы армянских манускриптов XII-XIII вв. тоже хранят увенчанный крестом посох, причём удерживают его

66 *Հայերէն ձեռագրերի իշխանապարսններ*, Ե-ԺԲ դդ., էջ 298-300.

67 Նոյն տեղում, էջ 304:

68 *Հայերէն ձեռագրերի իշխանապարսններ*, ԺԳ դար, էջ 26; Սամուէլ քահանա Անեցոյ, URL <http://www.digilib.am/digilib/?menu=&wrk=267&wprg=0&aurpg=0> (08.11.2013), Զ, ր. Ոսկէ.

69 *Հերոս Զամրուշ Հայոց. Համառոտ պատմութիւն ժամանակաց. - Տէր-Պետրոսեան*, Գ2, աշխ. հտ. Բ, էջ 539.

70 **Der-Nersessian, Manuscripts arméniens illustrés**, p. 62; **Der-Nersessian, Armenian manuscripts in the Freer Gallery of Art**, 1963, p. 23-24; **Bedoukian**, op. cit., p. 59.

71 ԵՄ, ձեռ. 7347, ր. 265ա; ՉՄՄ, ձեռ. 1635, ր. 249բ; Biblioteka Narodowa, Rps 8101 III, f. 326v, URL <http://www.polona.pl/item/453205/0/> (28.10.2013); **Der-Nersessian, Armenian manuscripts in the Freer Gallery of Art**, pl. 27, fig. 52; The Walters Art Museum. Ms. W. 539, f. 12r, f. 321r, URL <http://www.thedigitalwalters.org/Data/WaltersManuscripts/html/W539/description.html> (28.10.2013)

72 В этом смысле исключение составляет один из агнцев манускрипта 1262 г. (илл. 8ф).

согнутой дальней от зрителя передней лапой – таким же манером, как это делают обрамлённые круговой легендой львы печатей и монет Левона I. Эта характерная, бросающаяся в глаза поза передней конечности, применённая при создании образа львов первого короля Армении, является, на наш взгляд, своего рода маркером, позволяющим распознать в символическом хищнике «агнцевые» черты.

Следует также заметить, что между рассматриваемыми сценами манускриптов наблюдается та же вариативность типов крестовых знаков посоха, которая имеет место у львов на буллах и драмах. Например, на соответствующих миниатюрах манускриптов 1193 г. и 1198 г. он завершается уширенным на концах крестом – похожим на тот лапчатый, что венчает жезл льва на печатях Левона (илл. 8а - 8с). А в Ромклайском ЧетвероЕвангелии 1262 г. верхушка удерживаемого агнцами посоха образует - как и на серебре первого короля Армении – патриарший крест (илл. 8е-8ф, 9а-9с).

Наблюдается соответствие и в плане обращения сравниваемых символических животных – в подавляющем большинстве случаев оно стандартное, то есть, и львы, и агнцы, как правило, обращены влево (геральдически вправо). Исключение составляют нестандартно обращённые львы отдельных драмов, дидрамов и полудидрамов Левона⁷³, а также обращённый вправо агнец оттисков печати из манускрипта 1195 г. архиепископа Нерсеса Ламбронаци (Скевраци), посох которого, в отличие от посохов других рассматриваемых агнцев, завершается не крестовым знаком, а вексиллоидом о двух косах (илл. 8г).

Иконографическое сходство представленных львов и агнцев вряд ли случайно. Мы полагаем обратное: создатель и идеолог образов нумизматической и сфра-

гистической символики Левона I намеренно «согнул» переднюю лапу хищника и «вложил» в неё соответствующий посох, чтобы наблюдатель непременно различил в животном не только льва, но и знакомый тип агнца.

Зададимся вопросом, что даёт львиному образу привнесение темы агнца, если оба этих популярных в XII в. представителя европейского средневекового bestiaria - в соответствии с образами Книги пророка Иезекииля и Евангелия от Иоанна⁷⁴ - символизируют Спасителя, точнее, разные его ипостаси. Если агнец означает жертвенность, кротость, доброту, щедрость, милосердие Христа, то «царь зверей» выражает его царственное величие, происхождение от царей Израилевых⁷⁵, карающую Божью силу⁷⁶.

Примеры использования обоих образов в армянской средневековой литературе многочисленны. В частности, они присутствуют в поэтическом творчестве Нерсеса Пахлавуни из Ромклы по прозвищу Шнорали, католикоса армян в 1166-1173 гг.⁷⁷, и васпураканца Григора Нарекаци (951-1003). Следует иметь в виду, что вышеупомянутый обладатель «агнцевой печати» Нерсес Ламбронаци (Скевраци) приходился сыном племяннице Нерсеса Шнорали⁷⁸, воспитывался и получил образование под покровительством католикоса, принял ду-

74 Եզեկ. 19: 1, 2; Յովհ. 1: 29, 36.

75 Մատթ. 1: 1-17; D. Jäckel. *Der Herrscher als Löwe: Ursprung und Gebrauch eines politischen Symbols im Früh- und Hochmittelalter*. Köln, 2006, p. 23.

76 Антонов, указ. раб., с. 102.

77 Ներսէս Ծնորհալի, *Գանձեր, տաղեր, փոխեր*. URL <http://www.digilib.am/digilib/?Menu=&wrk=248&wrpg=0&aupg=0> (22. 11. 2013), ԾԶ; Ներսէս Ծնորհալի, *Տաղեր*, URL <http://www.Digilib.am/digilib/?menu=&wrk=250&wrpg=0&aupg=0> (22.11.2013), ԼԷ, ԿԹ, ԶԲ.

78 Rüdtt-Collenberg, op. cit., tables II, IV (38, 48), p. 56.

73 Nercessian, op. cit., p. 113-114, plate 20 (272, 275); Bedoukian, op. cit., plate II (66, 77v).

ховное имя в его честь⁷⁹. Что касается Григора Нарекаци, то он, описывая в одном из своих стихотворений сошествие Спасителя в преисподнюю и освобождение заключённых там душ, представляет Христа, по замечанию Г. Петросяна, «исключительно под именем и в образе льва»⁸⁰.

Словесное сравнение в ту эпоху служило основой для уподобления изобразительного. И поскольку земным подобием Христа как царя небесного, владыки горного мира являлся благочестивый государь, владетель и правитель какой-то части мира дольного, то лев и агнец закономерно распространились из сферы религиозных представлений в антропонику высшей знати, владетельную символику и эмблематику, став широко употребляемыми, в частности, на монетах и печатях королей и князей XII-XIII вв., изображения и легенды которых служили в Средневековье одним из средств пропаганды и конструирования идеологии высшей власти. В этой связи львиные и агнцевые характеристики, имена, прозвища, символические образы и эмблемы призваны были транслировать соответствующие качества

их носителя как идеального христианского государя⁸¹.

Сказанное не означает, что эти образы имели исключительно христианскую (религиозную) этимологию и семантику. Уподобление правителя льву в Европе, словесное и изобразительное, имело к XII-XIII вв. уже давнюю историю⁸². Значительную роль в данном явлении играло не только его восприятие как символа Христа, но и народное представление о льве как сильном и свирепом хищнике, «царе зверей», благодаря чему в феодальную эпоху он стал «главной звездой» королевских и княжеских зверинцев, непременным атрибутом носителей власти (которые в ту эпоху являлись, в первую очередь, воинами, военачальниками, вождами) – в живом, словесном и материально-искусственном виде⁸³.

Вербальное сравнение могущественного, бесстрашного, рвущегося в бой владетеля с царём зверей львом характерно и для армянских источников периода Раннего и Высокого Средневековья⁸⁴. В случае же с Левоном I уподобление приобретает «многоплановость», поскольку, как было отмечено выше, летописцы обозначили связь его львиного имени с львиной победоносностью тагавора («...одерживал победы храбро и, согласно имени своему,

79 Ալիշան. *Սիւնիակ*, URL <http://www.digilib.am/digilib/?menu=&wrk=1314&wrpg=0&aupg=0> (12. 12. 2013), Ա, դրուագ Գ, 26.

80 Հ. Պետրոսեան. *Խաչքար: Մագուճ, գործարարը, պատկերագրությունը, իմաստարանությունը*. Երևան, 2008, էջ 357; *Գրիգոր Նարեկացի. Տաղեր*. Երևան, 1957, էջ 88-89; Ա. Վարդուհանյան. *Գրիգոր Նարեկացու տաղերի նորայայտ եղանակները*. – Բազմապէս, Վենետիկ, 2004, թիւ 1-4, 437-446. Приводим текст упомянутого стихотворения (Տաղ վերացման խաչին). Ես ձայն գտնուիմ ստեմ. որ գոչեր ի բառաթևին. / Ի բառաթևին գոչեր, ձայն ստեմ ի սանդարսմանս: / Թևին գոչեր, ձայն ստեմ ի սանդարսմանս այն ի որդ եղեալ սանասեր ի ձայնէն ահեղ: / Ահեղ ձայնս, որ ես լուսայ, սա բազմութիւնս որ ունիմ: / Չմտնուիմ իմ բազմի կամի, կէ գամուրս որ ունիմ: / Չմտնուիմ իմ բազմի գերելոցն ստեմ գերելարձ: / Գերեացն երանի ստեմ որ եղեմ ի լսոնս առիծուն: / Ակն տանձուն եղեմ այլ չունիմ ակն տանձելոյ: / Պասկ ջելոյ չունիմ ակն ունիմ անանց պասկին: / Բոլորեալ ստեմս լսոնսն անանց արքայէն: / Փասս փրկողին տացուք, որ փրկեաց զգերեալսն ի բանտէն:

81 Антонов. Указ. раб., с. 101-102; Пастуро, Символическая история, с. 51-52; Jäckel, op. cit., p. 2.

82 Jäckel, op. cit., p. 22-52.

83 Пастуро, Символическая история, с. 48 – 50.

84 Մովսէս Խորենացի, III, 18; Փառասու Բուզանդ, Պատմություն Հայոց, հիմնգրքի դրույթներ, URL <http://www.digilib.am/digilib/?menu=&wrk=262&wrpg=0&aupg=0> (22.11.2013), ԽԳ; Մատթեոս Ունիայեցի, URL <http://www.digilib.am/digilib/?menu=&wrk=1459&wrpg=0&aupg=0> (22. 11. 2013), մասն առաջին, թթ. ՆԺԲ (412), ՆԺԳ (424), ՆԺԴ (490), ՆԺԵ (498), ՆԺԶ (504), ՆԺԷ (508), ՆԺԸ (528), ՆԺԹ (544), ՆԺԺ (546), մասն երրորդ, թթ. ՆԺԳ (558), ՆԺԴ (662), ՆԺԵ (667), ՆԺԶ (674), Գրիգոր երեց շարմապետություն, թ. ՈԲ (602).

львообразно, ибо Левон означает лев»⁸⁵, а также с львиным знаком его герба («знак и герб со львом по его [Левона] имени»)⁸⁶. Мы полагаем, что и львы монет и печатей первого короля Армении, помимо своего основного назначения - символизировать идеального самодержца как земное подобие владыки горнего мира - выполняли также функцию «говорящих» указателей на львиное имя тагавора.

В европейской истории XII в. связь именной и наглядной составляющей львиного образа властителя наиболее ярко проступает на примере наследия Генриха Вельфа, герцога Саксонии (1142-1180) и Баварии (1156 - 1180). Мы имеем в виду, в частности, львиные изображения, легенды «SVM LEO» («Я лев») и «HEINRICUS LEO DUX» («герцог Генрих Лев») его брактеатов и печатей, бронзовую статую льва, отлитую и установленную по его повелению в г. Брауншвейге⁸⁷. Можно заметить, что и другие современные Левону I Армянскому христианские государи - помимо упомянутого Генриха Льва, это король Шотландии Вильгельм I Лев (1165-1214), король Англии Ричард I Львиное Сердце (1189-1199), король Франции Людовик VIII Лев (1223-1226) - именовались львиными прозвищами и/или использовали львиную символику либо носили львиную эмблему/гербовый знак. Приведённые обстоятельства наводят на мысль о кульминации в тот период своеобразной «львиной идеологии» власти и могущества⁸⁸. Примером же носителя агнцевого прозвища является король Дании Эрик III

85 ...լսողեաց քաջութեամբ ըստ անուանն, առիծաբար, զի Լեւոնն առիծ կոչի:— *Կիրակոս Փանծալեցի*, էջ 155.

86 Ներսէս Պալիեցի ժամանակագրական հատուածները, էջ 180.

87 Suhle. op. cit., p. 22, ill. 1, p. 24, ill. 2; Jäckel, op. cit., p. 2, 15, 55-56.

88 Jäckel, op. cit., p. 2-15.

(1137-1146), прозванный «Агнцем» за медоточивую сладость характера⁸⁹.

Значительное место в львиной и агнцево-идеологии - с учётом представления земного венценосца в качестве подобия царя небесного - занимал элемент сакрализации идеализируемой властной персоны. Поскольку в природе Христа, согласно воззрению интерпретаторов, присутствовали обе ипостаси, параллельно с эпизодами сравнения государей либо со львом либо с агнцем в отдельности закономерно возникали случаи их уподобления одновременно обоим животным образам.

Проявления этих качеств Спасителя зависят от конкретных обстоятельств: к праведникам он обращается одной своей ипостасью, к врагам - другой. Также и Св. Кнут Лавард (погиб в 1131 г.), герцог Шлезвига, сын и отец королев Дании, прославлялся после его канонизации в 1170 г. как «судья справедливый, для злых лев, для кротких агнец» (iudex iustus, sevis leo, mitibus agnus)⁹⁰. По свидетельству современника Левона I Гийома Ньюбургского (ум. ок. 1198 г.), на печати короля Норвегии Сверре (1184-1202) была запечатлена следующая легенда: «Сверре, великий король, свирепый как лев, кроткий как агнец» («SUERUS REX MAGNUS FERUS UT LEO MITIS UT AGNUS»)⁹¹.

Двойное сравнение правителей с этими животными образами применялось авторами XII в. и в отрицательном, подчас даже ироничном ключе - для этого достаточно было переставить акценты. В частности, Галфрид Монмутский (ум. ок. 1155 г.) вложил в уста одного из полулегендар-

89 Антонов, указ. раб., с. 102.

90 G. Waitz. *Eine ungedruckte Lebensbeschreibung des Herzogs Knud Laward von Schleswig*. Göttingen, 1858, p. 21; Антонов, указ. раб., с. 102.

91 *Historia rerum Anglicarum Willelmi Parvi, Ordinis Sancti Augustini canonici regularis in coenobio Beatae Mariae de Newburgh in agro eboracensi*, vol. 1. London, 1856, p. 231.

ных персонажей своей «Истории королей Британии» Андрогее такие слова: «Никто не будет уважать вождя, который в ратных делах кроток как агнец, а в мирное время подобен свирепому льву»⁹².

Таким образом, распространённость в XII в. в западном христианском мире «комбинированных» львино-агнцевых словесных характеристик не вызывает сомнения. В то же время, нам неизвестны иные - кроме изображения реверса монет и печатей Левона I - примеры воплощения этой комбинированности в едином образе, слияния льва и агнца в одну фигуру, которая, по всей видимости, призвана символизировать «синтез» двух ипостасей уподоблённого Христу идеального венценосца, в качестве которого предстаёт тагавор (король) Армении. В этом смысле лев-агнец Левона I является уникальным типом, как полагал З. Птукян, оригинальным армянским вкладом в изобразительное искусство нумизматических, а также сфрагистических памятников Европейского и Христианского Средневековья⁹³.

Следует, особенно на примере более детально исполненного льва-агнца булл (илл. 5а), обратить внимание на ряд особенностей его портрета, говорящих о том, что перед нами не столько лев, сколько человек-венценосец. На голове у него покоится корона, а морда наделена человеческими чертами, так что её корректнее назвать лицом.

В этой связи следует вспомнить ещё один львиный образ нумизматического наследия Левона I. На аверсе его медных монет королевского периода - тангов - представлена человекоподобная голова льва анфас с гривой, скорее напоминаю-

щей бороду. Довершает сходство животного с человеческим - точнее, королевским - обликом наличие на голове льва увенчанной равносторонним простым крестом короны (илл. 10)⁹⁴. Очевидно, что в данных случаях человекообразность символического хищника - так же, как в другом аспекте его агнцеобразность - является намёком, подсказкой зрителю, которому надлежит увидеть во льве тагавора, чтобы воспринять заложенные в образ смыслы.

Центральной темой оборотной стороны медных монет Левона I с королём-львом на аверсе является крестовый знак, «патриаршего» типа. Аналогичное сочетание изображений наблюдается на его биллонах с латинской легендой: на одной стороне - коронованная голова человека (властителя), на другой - крест, в данном случае, с уширенными концами (илл. 10, 11а)⁹⁵. Очевидные параллели между представленными комбинациями свидетельствуют в пользу того, что и на меди Левона I лев является символом тагавора.

Исходя из вышеизложенного, рассматриваемый синтетический образ реверса монет и булл Левона являлся одним из важнейших элементов идеологического обоснования его перехода в новое качество: из парона/ишхана Армянского (в историографии - Левон II) в короля, помазанника Божьего (Левон I).

Не случайно на их аверсе представлен ещё один образ, уподобляющий тагавора Христу. Это так называемая сцена «королевского величества» или «король во славе»: венценосец анфас, восседающий на своеобразном троне, видимая часть которого оформлена в виде голов и лап двух львов. В руках у короля инсигнии, симво-

92 Geoffrey of Monmouth. *The history of the kings of Britain*. Latin text edited by M. D. Reeve, translated by N. Wright. Woodbridge, 2007, p. 78-79.

93 Bedoukian, op. cit., p. 59; W. Rentzmann. *Numismatisches Wappenlexicon des Mittelalters und der Neuzeit*. Berlin, 1980, taf. 22, 180.

94 Necessian, op. cit., 119-122, plates 23, 24 (300-313); Bedoukian, op. cit., p. 60, 66a (711), plate III (706, 763).

95 Necessian, op. cit., 115, plate 21 (280, 281); Mallory-Preston-Seltman, p. 233-234 (133a, 134).

лы державной власти: в правой – увенчанный крестом шар-держава (խաչ ի վերա խնդրոյ ու վրոյ), в левой – скипетр с лилией (զաւարակն արքայի շուշանգոյն)⁹⁶. Застёжка фиксирует на его груди складки наброшенной на плечи мантии с неясным рисунком. Ноги тагавора упираются в изображённую перед тронном подставку, на голове высится увенчанная лапчатым на концах крестом корона с подвесками (илл. 5a, 5b)⁹⁷.

В. Антонов отмечает сходство этой характерной для нумизматической и сфрагистической символики XII–XIII вв. Композиции с «тронным изображением Спасителя в композиции Христос во славе, или Спас Вседержитель, широко представленной в романском искусстве»⁹⁸. Следовательно, вышеописанная сцена также является типическим изображением властителя, короля или императора, чей земной образ уподоблялся образу Царя Небесного. Приведём примеры использования данного типа другими христианскими венценосцами из числа предшественников либо современников первого короля Армении, ограничившись теми из них, чьи контакты с Левонам известны либо вероятны.

Сцена «король во славе» запечатлена, в частности, на аверсе свинцовой печати Жана де Бриенна (Ч’уан или Реч’уан армянских источников), короля Иерусалима (1210–1225), мужа старшей дочери Левона I Риты⁹⁹. Иконография этого памятника весьма близка аналогичной композиции золотой буллы тагавора Армении, с той лишь разницей, что в правой руке король Иерусалима держит длинный посох, увенчанный равносторонним крестом со слегка уширенными окончаниями, а шар-держава

96 Ալիշան, Միսուս, էջ 472 ձ. 3, 474.

97 Schlumberger, *Bulles d'or*, p. 2, photo I.

98 Антонов. Указ. раб., с. 98–99.

99 Միսուս Մարտիրոս, թ. 663.

расположена слева (илл. 12a и 12b)¹⁰⁰. Данное сопоставление выглядит особо примечательным с учётом совпадения рисунков аверса и реверса представленных на илл. 11a и 11b биллонов венценосных теста и зятя, что указывает на вероятное заимствование одним из них образов/изображений символики другого¹⁰¹. Сцену «королевского величества» - без «львиной стилизации» трона - можно увидеть и на печатях предшествующих королей Иерусалима, в частности, Балдуина I (1100–1118), Балдуина III (1143–1162), Амори (1162–1174), Балдуина IV (1174–1185), Балдуина V (1185–1186)¹⁰².

Присутствует она и в нумизматической символике императоров Священной Римской империи, к которым Левон I обращался за короной - для себя и своего наследника, внучатого племянника Рубена¹⁰³. Среди множества сцен «император во славе» брактеатов Фридриха I, Генриха VI, Оттона IV (1198–1218) попадаются и такие, где самодержец изображён восседающим на «львином троне» (илл. 12c и 12d)¹⁰⁴.

Ещё одним примером может послужить соответствующий рисунок печати другого современника Левона I Филиппа II Августа, короля Франции (1180–1223).

100 Schlumberger–Chalandon–Blanchet, op. cit., p. 13, pl. I, 3, pl. XVI, 7.

101 Կ. Միսիկեան. Ղաւստրոյթիւն Ռոմեանեան դրամոյն. Վիեննա, 1892, էջ 18–19; G. Schlumberger, *Monnaies des princes chrétiens d'Orient à l'époque des Croisades*. – In: *Revue archéologique, nouvelle série*, 16e année, v. 30, Paris, 1875, p. 345–346, pl. XXV, 1; Schlumberger, *Numismatique de l'Orient latin*, p. 93, pl. III, 31; Malloy–Preston–Seltman, p. 80 (43, 44), 233–234 (133a, 134).

102 Schlumberger–Chalandon–Blanchet, op. cit., p. 2–10, pl. XVI, 1–5.

103 Միսուս Մարտիրոս, թ. 647, 659; Հայերէն ձեռագրերի յիշատակարաններ, ԺԳ դար, էջ 76–77.

104 Cappe, II, op. cit., p. 9–12, 17, 27, 47, 83 (35, 37, 45, 48, 49, 53, 79, 117, 118, 219, 417, 418; Taf. III, IV, VII, XVII, XXVI, 20, 21, 26–29, 46, 53, 56, 184, 298, 299); Suhle, op. cit., p. 100, ill. 40.

Трон под Филиппом имеет львиные формы, однако символы державной власти отличаются от Леоновых: в правой руке – лилия, в левой – длинный жезл с ромбовидным окончанием, внутрь которого также заключена лилия (илл. 12e)¹⁰⁵. В этой связи следует заметить, что по набору и характеру инсигний – скипетр с лилией, увенчанный крестом шар-держава – к сцене «король во славе» Левона I ближе всего стоят соответствующие композиции императорских брактеатов. Некоторые другие детали – в частности, рисунок львиного трона, мантии – сближают её с рассмотренным изображением печати Жана де Бриенна.

Образующие трон и как бы подпирающие власть самодержца львы символизируют не только его королевскую/императорскую силу и могущество. Как и в случае с согнутой передней лапой льва-агнца они, на наш взгляд, служат меткой, позволяющей распознать в венценосце земное подобие Христа, одним из символов которого львы и являются. Таким образом, сочетание сцены «король во славе» (на львином троне) аверса печатей и монет Левона I с «портретом» льва-агнца на их реверсе формирует единый смысловой комплекс. Его основное назначение – транслировать зрителю представление о христоподобном тагаворе, наделённом царём небесным правом властвовать на земле.

Надо отметить, что связь двух образов в их небесной и земной царской славе и силе нашла отражение в известном нарративном источнике периода Армянского королевства - труде Ваграма Рабуна «Слово о Богоявлении» («Բան ի Յաւանութեան Տեան»), написанном по случаю ко-

ронации тагавора Левона II (1269–1289), внука Левона I, и являющемся по сути идеологической «платформой» этого со- бытия. В представлении автора, великим царём всего сущего является Бог, который благодеяниями верховного владыки правит над горным и дольным миром. Для царствования над людьми в дольном мире Создатель избирает и венчает одного из них, который, таким образом, становится его воплощением на земле¹⁰⁶.

Такого представления о легитимности власти тагавора придерживались и до Ваграма Рабуна. На это указывает сцена реверса так называемых «коронационных драмов» Левона I, где одетый в мантию венценосец запечатлён коленопреклонённым перед фигурой, в которой некоторые исследователи усматривают Христа. Между двумя участниками композиции можно различить нечто вроде нисходящего с небес луча света или голубя, на отдельных экземплярах – также длань, протянутую к увенчанной главе короля (илл. 13)¹⁰⁷. Эти элементы, по всей видимости, призваны отразить Божью волю и благословение царствованию Левона I.

Именно богоизбранностью и боговенчанностью¹⁰⁸, а следовательно, и святостью, можно объяснить девиз «святой тагавор» (սուրբ թագ(ա)տր)¹⁰⁹ и определе-

106 Տէր-Պետրոսեան, Ա. Մշխ., Բն. Բ, էջ 45–48.

107 Bedoukian, op. cit., p. 57, 77, pl. II (77v, 83v, 88, 117); Միսիկեան, Ա. Մշխ., p. 9.

108 «в царствование боговенчанного короля Левона» («ի թագաւորութեան աստուծաւորի արքայի լեւոնի») – записано в одной из памятных записей 1218 г. – см.: Հայերէն ձեռագրերի յիշատակարաններ, ԺԳ դար, էջ 111.

109 J. C. M. Laurent. *Peregrinatores medii aevi quatuor*. Wilbrandus de Oldenburg. *Peregrinatio*. Lipsiae, 1864, p. 178; Ալիշան, Միսուս, էջ 476; Հայերէն ձեռագրերի յիշատակարաններ, ԺԳ դար, էջ 445, 538; Գրիգոր Ակնեցի. Պատմութիւն թաթարաց, Մշխ. Կ. Պոլսոյ, 1974, URL <http://www.digilib.am/digilib/?menu=&wrk=1517&wrpg=0&aupg=0> (06.11.2013), գրիւն ԺԳ.

105 BNF Richelieu. *Monnaies, médailles et antiques exemplaire unique*. Coll. Côte 3446, URL <http://catalogue.bnf.fr/servlet/biblio?idNoeud=1&ID=38639557&SN1=0&SN2=0&host=catalogue> (06. 11. 2013).

ние «Христом венчанный» (քրիստոնիշիւի)110, применяемые начиная с года коронации Левона I в отношении помазанников Божьих, королей Армении. На наш взгляд, сцена «король во славе», встречающаяся на драмах и буллах Левона I, а также драмах тагаворов Смбата (1296-1298) и Ошина (1308-1320)111 является символическим выражением воззрения, изложенного Ваграмом Рабуном.

Таким образом, богоизбранность и боговенчанность тагавора, его подобие Христу, то есть, темы, проходящие «красной нитью» через изображения монет и печатей Левона I, строки вышеназванного труда Ваграма, являлись одной из основ легитимации первого и последующих королей Армении. Поскольку «Слово о Богоявлении» было написано по случаю воцарения Левона II, можно предположить, что выполняющие ту же роль, что и этот труд, образ льва-агнца, сцены «король во славе», «колелопреклонённый венценосец перед фигурой Христа» были приурочены к событию коронации и помазания Левона I, то есть, началу его королевского правления.

Надо заметить, что средством легитимации венценосных Рубенянов являлось не только уподобление, но и возведение их к Христу. Ряд армянских авторов последних десятилетий XIII в., а также XIV в. представляют Левона I, его внука Левона II, их преемников как потомков Рубена из

110 Հայերէն ձեռագրերի իշխատակարաններ, Ե-ԺԲ դդ., էջ 305; Հայերէն ձեռագրերի իշխատակարաններ, ԺԳ դար, էջ 26, 39, 80, 86, 96, 98, 102, 107, 118, 169, 186, 240, 243, 244, 250, 256, 268, 284, 317, 337, 384, 390-391, 411, 432, 471, 483, 488, 511, 573, 582, 638; ԺԴ դարի հայերէն ձեռագրերի իշխատակարաններ, կազմեց Լ. Ս. Խաչիկեան, Երեւան, 1950, էջ 29, 62, 194, 202, 243; Գրիգոր Ակնեցի, գրվւի է, Թ, Ժ, ԺԴ, ԺԵ, ԺԷ; Կիրակոս Գանձակեցի, էջ 169.

111 Nercessian, op. cit., p. 146-147, 155, plates 33, 36 (407-410, 438-440); Bedoukian, op. cit., p. 90, 92, plates VIII, X (1655, 1657, 1667v, 1671a, 1936b-v, 1945)

рода царя Гагика (II), последнего венценосца царского дома Багратуни112. Легенду о происхождении последних от одного из пленных иудейских вождей по имени Шамбат приводит в своей «Истории Армении» Мовсес Хоренаци113.

Для Ваграма Рабуна она послужила основанием для возведения Багратуни к пророку Давиду. Принадлежность же Иисуса к поколению этого библейского царя114 позволила «генеалогически» связать приведённую Ваграмом восходящую родословную Рубенянов с Давидом и божественной фигурой Спасителя: «венценосец Левон115... сын Запел, дочери короля Левона116, сына Стефана, сына Левона117, сына Константина, сына Рубена из рода Гагика, что из семейства Багратуни, [произошедшего] от племени великого Давида, царя и пророка» || «Պատկառու Լեւոն... որդի Զապելի՝ դստեր Լեւոնի արքայի, որդու Ստեփանէի, որդու Լեւոնի, որդու Կոստանդէայ, որդու Ռուբէնի՝ ի շառաւելէ Գագկայ յազգէ Բագրատունու:

112 Vahram d'Édesse, p. 497; Հերոնի Պատմիչ Պատմութիւն ազգիս Ռուբիհանց, էջ 100; Հայերէն ձեռագրերի իշխատակարաններ, ԺԳ դար, էջ 583; Համառոտ պատմութիւն ժամանակաց հասարեայ ի զանազան պատմութեանց, այսինքն՝ ի Հայոց, ի Ֆոսանկաց, ի Յունաց, ի յԱսորւոց գրեանց, աշխատութեամբ իմոյ, ծառայիս Աստուծոյ Հերոնոյ, տեառն Կոտիկասոյ, ի թվականի Հայոց ՉԽԵ (1296). - Կ. Մարտիրոսեան. Հերոնի Պատմիչ Կոտիկոսցիս եւ նրա ժամանակագրութիւնը. Երեւան, 2011, էջ 46; Սամուէլ քահանա Անեցոյ, URL <http://www.digilib.am/digilib/?menu=&wrk=267&wrpg=0&aupg=0> (17.12.2013), Զ, թ. Ռ-ՀԷ; Ներսէս Պալիեցի ժամանակագրական հատուածները, էջ 179; Ներսէս Պալիեցի Հայոց թագաւորների եւ իշխանների կարգը, էջ 205.

113 Мовсес Хоренаци, с. 37 – 38.
114 Մատ. 1: 1-17.
115 Имеется в виду король Левон II.
116 Король Левон I, до 1198 г. парон/ишхан Армянский Левон II.
117 Имеется в виду дед короля Левона I, первый правящий Рубенян (1129-1137), носивший это имя.

ի ցեղէն մեծիս Դաւթի թագաւորի եւ մարգարէի»118.

Следовательно, христоподобные образы символики Левона I – в первую очередь «лев-агнец» и сцена «король во славе» - могли выполнять дополнительную функцию сообщения (напоминая) зрителю, что Рубеняны не только являются подобием Христа, но и произошли из его рода. В этой связи весьма примечательно мнение Л. Тер-Петросяна о том, что именно Ваграм Рабун является «основателем традиции» приписывания Рубену родство с Гагиком II Багратуни. Данное предположение базируется, вероятно, на том обстоятельстве, что написанная Ваграмом в 1276–1277 гг. «Стихотворная хроника Рубенянов» является самым ранним источником, отразившим эту легенду119.

Если автор «Слова о Богоявлении» и идеолог коронации Левона II нам известен, то о персоне, сформулировавшей идеи образов и сцен символики Левона I, мы можем высказать предположение. Не исключено, что в ответе и на этот вопрос подсказкой является согнутая лапа льва. Его агнцеобразность отсылает нас не только к Агнцам армянских миниатюр XII в., но и к оттискам печати манускрипта 1195 г. Нерсеса Ламбронаци.

Этот архиепископ Тарсона и настоятель Скевры известен как переводчик на армянский язык латинского текста, описывающего порядок освящения королей, а также как автор других работ, в которых отражается зарождение и устройство нового, королевского качества власти Левона Рубеняна120. Также немаловажно, что именно в его Скевре были созданы два ЧетвероЕвангелия с изображениями Агнца

118 Տէր-Պետրոսեան, ԱԶ. աշխ., էջ 53.
119 Ibid., p. 67.
120 Ալիշահ, Սիւնիակ, էջ 472-475; Տէր-Պետրոսեան, ԱԶ. աշխ., էջ 154, 181, 483.

Божьего121, чей образ присутствовал также на печати Нерсеса Ламбронаци (Скевращи). Текст памятной записи второго из этих манускриптов, а также год его создания дают основание предположить, что он мог служить Евангелием коронации Левона I122. Приведённые обстоятельства в совокупности указывают на то, что Нерсес Ламбронаци – самый вероятный кандидат на роль «автора идеи» льва-агнца, возможно, также одного из других образов символики Левона I, легитимирующих его воцарение, новый статус помазанника, самодержца, тагавора Божьей волей и милостью.

Транслируемое посредством текстов, символики представление об идеальном короле как средоточии и носителе как львиных, так и агнцевых качеств становилось частью мировоззрения его подданных. Вольно или невольно оно могло находить отражение в различных произведениях. В этой связи мы хотели бы обратить внимание на ту часть Летописи Смбата Гундстабля (далее также Летопись), которая относится к 647 г. армянского летоисчисления (1198 г.), то есть, году коронации Левона I.

В этом месте летописец сообщает о помазании благонравного и боголюбивого Левона королём Армянским и огромной радости народа Армянского, узревшего в данном событии восстановление и обновление своей государственности. Затем следует сообщение о кончине владыки Нерсе-

121 Հայերէն ձեռագրերի իշխատակարաններ, Ե-ԺԲ դդ., էջ 273, 300. Поскольку имя Нерсеса в тексте памятной записи второго из этих манускриптов отсутствует, можно предположить, что он написан уже после кончины архиепископа Тарсона и настоятеля Скевры, имевшей место 14 июля 1198 г. в упомянутом монастыре – см.: Ալիշահ, Սիւնիակ, էջ 469.
122 G. Prinzing. Zur Bedeutung und Geschichte des Lemberger Evangeliers.– In: Das Lemberger Evangeliar. Eine wiederentdeckte Armenische Bilderhandschrift des 12. Jahrhunderts. Wiesbaden, 1997, p. 18-21.

ca¹²³, предполагаемого нами автора идеи льва-агнца и кузена деда Смбата Гундстабля¹²⁴. Вслед за этим сообщением летописец отступает от хронографии и рисует словесный портрет Левона, несомненно, приуроченный к событию коронации. Приведём его в версии венецианского манускрипта Летописи, дополнив отдельные пассажи «редакцией» парижского издания эчмиадзинского списка.

...սրբայն Հեռն այր իմաստուն եւ հանճարեղ, զուարթ տեսչամբ եւ առատ սրտի առհասարակ, առ եկեղեցականս եւ աշխարհականս, առ աղքատս եւ առ տկարս, ի վանօրեայս եւ յովստեալ տեղիս, եւ ամենայն ուրեք տարածանէր զբարեաց իրոց պարգևս. զարդարեաց զտօնս զատկաց մեծահանդէս ժողովով, եւ մեծածախ սեղանով. եւ ուր իմանայր թէ գոյ այր պիտանի ի գործ ինչ եւ աշողակ, առաքեր եւ կոչէր խոստմամբ, եւ բերեալ հանգուցանէր առատաձիր պարգևօք. եւ ամենայն դասուք եկեղեցականօք եւ պատուար իշխանօք զարդարեալ եւ վայելչացեալ էր երկիրս Կիլիկոյ, զոր եւ պատմեցից զանուանս մի ըստ միոցէ...¹²⁵ || ...король Левон был мужем мудрым и благоразумным, с приятной внешностью, щедрый сердцем по отношению к церковникам и мирянам, бедным и немощным, монастырям и обетованным местам¹²⁶. Он всюду распространял свои милости и благодеяния, с великолепной торжественностью и обильным угощением отмечал праздник Пасхи. Если узнавал о [каком-то] способ-

ном и полезном человеке¹²⁷, посылал за ним, призывал обещаниями, утешал почестями и щедротами¹²⁸. Украсилась и облагородилась страна Киликийская церковниками и почтенными ишханами всех санов и рангов, имена которых мы назовём по одному...

И Смбат Гундстабль их перечисляет - далее в Летописи следует длинный список церковных иерархов и бердатэров, принимавших участие¹²⁹ в церемонии коронации Левона I. Автор дополняет данный перечень шестью именами и безымянным множеством антиохийских ишханов (баронов), перешедших служить королю Армении после кончины князя Антиохии Бозмунда III (1163-1201) и начала войны за его наследство¹³⁰.

Вслед за перечислением Летопись включает рассказ о победах Левона I над внешними врагами. Автор, в частности, сообщает, что с помощью вышеупомянутых благоразумных ишханов и отважных воинов тагавор успешно разбивал и гнал вражеские полчища, неустанно разоряя и беря в полон «неверных». Он сильно притеснил сыновей румского султана Кылыч-Арслана (II), отнял их крепости, захватил и опустошил подвластную им страну. Неустрашимостью и храбростью своей король Армении утвердился среди врагов как непобедимый соперник. На расстоянии месячного пути - продолжает летописец - враги помнили имя тагавора Ле-

¹²³ *Սմբատ Սպարապետ*, ր. 647.

¹²⁴ Rüdtt-Collenberg, op. cit., tables II, III (38, 39, 44, 48, 58, 103).

¹²⁵ *Սմբատ Սպարապետ*, ր. 647.

¹²⁶ В редакции парижского издания эчмиадзинского списка Летописи здесь идёт: «...к дальним и близким, великим и малым, монастырям и церквям, ишханам и рамикам» («ի հեռուսրս եւ ի մերձասրս, ի մեծամեծս եւ ի փոքունս, ի վաներս եւ լեկեղեցիս, ի իշխանս եւ յամիկս»). - *Le connétable Sempad*, p. 634. Здесь и далее перевод фрагментов Летописи Смбата Гундстабля наш.

¹²⁷ В редакции парижского издания здесь идёт: «...о [каком-то] мудром и сведущем, полезном в мирных и военных делах, речах и советах человеке...» (այր իմաստուն եւ գիտուն, եւ յաշող ի գործ կամ ի հիւնորոպիւն, կամ ի խօսս եւ ի պատասխանիւ...). - Ibid.

¹²⁸ Далее в парижском издании следует: «Одним из этих людей был я, спарапет Смбат, изложивший эту историю» («յորոց մի ես եմ Սմբատ սպարապետ թարգմանող տաղիս եւ պատմութեանս»). - Ibid.

¹²⁹ по версии эчмиадзинского списка - Ibid.

¹³⁰ Ibid., p. 639; *Սմբատ Սպարապետ*, ր. 647.

вона и, не видя его, дрожали¹³¹. Завершает данный фрагмент о неустрашимом Левоне история о том, как он покончил со своими соперниками Ошинянами, воздав им за те злодеяния, которые они причинили христианам Киликии и дому Рубенянов¹³².

В рассмотренном отрывке Летописи можно выделить три составляющие. Первая его часть представляет собой рассказ о мирном Левоне, его благочестии, щедрости и доброте. Здесь перед нами предстаёт властитель, склонный к милостям, благодеяниям, покровительству, утешению своих подданных. Мы полагаем очевидным, что это описательный образ короля-агнца. В той же части отрывка, который идёт после списка церковных и светских князей, автор Летописи представляет словесный портрет Левона-победителя - воинственного, неустрашимого, грозного, одним словом, тагавора-льва. Акцентирование его храбрости и неизменной победоносности красочно дополняет упоминание о дрожи, которую он на огромном расстоянии внушал противникам. Одна из составляющих льва как символа Христа - карающая Божья сила - находит отражение в словах о победах Левона над «неверными», в частности, над сыновьями Кылыч-Арслана II, в истории о возмездии Ошинянам за бедствия, причинённые христианам. В этой части идеал тагавора-льва в какой-то мере смыкается с рассмотренным выше образом идеального рыцаря, воина Христового, запечатлённым на монетах Левона докоролевского периода.

Можно констатировать, что к сообщению о праздничном событии коронации Левона I Смбат Гундстабль приложил описания двух ипостасей идеального венценосца (земного подобия царя небесного): тагавора-агнца и тагавора-льва, которые,

как мы показали выше, сливаются на монетах и печатях первого короля Армении в уникальный единый образ. В тексте же Летописи они соединены цепью церковных иерархов и бердатэров, принимавших участие в коронационном торжестве.

То, что коронационный список вставлен именно в это место летописного текста, нам представляется неслучайным, поскольку упоминание вассалов тагавора и церковников помогает «обрисовать» обе ипостаси. С одной стороны, именно по отношению к ним, в первую очередь, король Левон обнаруживает свои агнцевые качества - расточает милости, щедроты, в том числе в виде фьефов и бенефиций. С другой стороны, с помощью названных в списке и идущем после него фрагменте вассалов он громит полчища врагов, проявляя себя как грозный и отважный тагавор-лев.

Таким образом, вставка коронационного списка между описаниями агнцевой и львиной ипостасей Левона I создала «сольвинительную ткань», сшившую оба словесных портрета. Получившийся в результате этого вольного или подсознательного приёма составной королевский образ аналогичен тому, что представлен на реверсе золотых булл, дидрамов, полудидрамов и трёх экземпляров золотых монет первого короля Армении и обозначается нами как образ «льва-агнца». Летопись написана после 1272 г.¹³³, а словесные портреты Левона закономерно помещены в канву событий коронационного 1198 г. В связи с этим обстоятельством мы полагаем, что «нарисованный» автором текста агнцево-львиный образ тагавора является отражением представлений об идеальном

¹³³ Год её последних записей, после которых она прерывается «на полуслове». - см.: *Սմբատ Սպարապետ*, ր. 721. Данная датировка не относится к списку церковных иерархов и вассалов, который очевидно был составлен в период Левона I. Мы полагаем, что он был извлечён автором Летописи из королевского архива.

¹³¹ *Le connétable Sempad*, p. 639; *Սմբատ Սպարապետ*, ր. 647.

¹³² *Le connétable Sempad*, p. 640; *Սմբատ Սպարապետ*, ր. 647.

самодержце, бытовавшем не только в правление первого короля Армении, но и при его преемниках.

Напомним, что приблизительно в то же время, когда писалась Летопись Смбата Гундстабля, Ваграм Рабун создал «Слово о Богоявлении», приуроченное к коронации Левона II. Это событие имело место в 1271 г., в праздник Богоявления и Крещения Господня 6 января¹³⁴, то есть в 73-ую годовщину коронации его деда Левона I. Как мы показали выше, темы произведения Ваграма Рабуна перекликаются с мотивами идеального помазанника символики первого короля Армении. Поэтому не удивительно, что старший современник Ваграма Смбат Гундстабль, чья долгая жизнь «от Левона до Левона» связала правления деда и внука, в одновременные «Слову о Богоявлении» годы тоже рисует в своей Летописи идеал венценосца, вольно или невольно выражая собственное представление о тагаворе, обращенном своими агнецевыми качествами к добрым подданным и христианам, а львиными – к врагам Христа и его последователей. В связи с этим представляется неслучайным, что изображение льва, удерживающего агнеобразно согнутой лапой увенчанный крестом посох встречается не только в нумизматической и сфрагистической символике Левона I, но и на драмах Гетума I (1226-1269), отца Левона II, а также самого Левона II (илл. 14а, 14b)¹³⁵.

По монетам этих королей известна и другая композиция изображений льва и креста. Мы имеем в виду сцену, на которой посох с крестовым знаком хранится не в лапе животного, а возникает из-за его спины, другими словами, упирается в спину (илл. 15с, 15d). «Лев под крестом», как

¹³⁴ *Տէր-Պետրոսեան*, Գ2. աշխ., էջ 317.

¹³⁵ *Nercessian*. op. cit., p. 128-129, 131-132, 139, plates 26-28, 30 (332-336, 345, 346, 373); *Bedoukian*, op. cit., p. 66b. (846), plates IV, V, VII (847, 894, 927v, 935v, 1491v, 1530).

и лев-агнец, может иметь как стандартное, так и нестандартное обращение¹³⁶.

Соотношение этих двух образов в монетной чеканке трёх названных королей Армении отличается. В нумизматическом наследии Левона I львы-агнцы преобладают значительно. У его внука Левона II, наоборот, значительное численное превосходство «львов под крестом». На драмах же и полудрамах правившего между ними Гетума I соотношение данных образов приблизительно одинаково¹³⁷. На монетах преемников Левона II лев-агнец больше не появляется, но его «конкурент» продолжает присутствовать (илл. 15е)¹³⁸. На основании приведённых обстоятельств мы предполагаем, что немногочисленные сохранившиеся драмы Левона II со львом-агнцем на реверсе чеканились в начале правления этого тагавора, в ознаменование события его коронации.

Композиция «лев под крестом» известна также по рельефу близ Главных ворот города Ани, столицы Армянской царства в 961-1045 гг., а также - в декоративном исполнении - по изобразительному оформлению двух деревянных пюпитров (аналоев) 1272 г. (илл. 15а и 15b)¹³⁹. Поскольку в данной сцене крест не «вложен» в согнутую лапу животного, она ли-

¹³⁶ *Nercessian*. op. cit., p. 109-110, 114, 130-133, 138-141, plates 19, 20, 27, 30, 31 (256, 257, 273, 337-342, 350, 369-371, 374-385).

¹³⁷ Если судить по совокупности экземпляров, включённых в работу Е. Нерсисяна. - см.: *Ibid.*, p. 109-110, 113-114, 128-133, 137-141, plates 18-21, 26-28, 30-31 (253, 256, 257, 268-276, 332-342, 345-348, 350, 367, 369-385).

¹³⁸ *Ibid.*, p. 156-159, 162-164, 166-170, plates 36-40 (441-445, 451-454, 468, 469, 471-475, 481-486, 490-496, 498, 499); *Bedoukian*, op. cit., p. 66e (1919), 66f (2030), 66g (2045), 66h (2161, 2200), plates IX-XII (1734, 1746, 1773v, 1872, 1886, 1915, 1973v, 1989v, 2030, 2045a, 2080, 2130, 2162, 2168, 2174).

¹³⁹ Յատկանշական ցուցակ թանգարանային ժողովածուների, Կրակ II, աշխատակցությունը Ե. Մուշեղեանի, Երևան, 1982, էջ 150-151, տախտակ LVII (3), LVIII (2).

шена агнецевых мотивов. Тем не менее, основания для уподобления льва композиции с Христом имеются.

Г. Петросян в связи с упирающимся в спину хищника крестовым знаком (посохом) напоминает о тех ближневосточных дохристианских божествах, которых представляли стоящими на животных. В частности, среди росписи одного их храмов урартского города Эребуни присутствует изображение стоящего на льве Халди, главного бога урартского пантеона. Животное в таких сценах представало в качестве подобия того, кого несло на своей спине. Композиция «лев под крестом» аналогична; животное в ней олицетворяет того, кого символизирует крест. Следуя приведённой аналогии и с учётом того, что данная связь образов засвидетельствована в священных писаниях и толкованиях, Г. Петросян предполагает, что «несущий» на себе крестовый символ лев является подобием Христа как царя¹⁴⁰.

Мы разделяем данное предположение и полагаем, что «лев под крестом» армянских королевских монет отражает только львиную ипостась тагавора как подобия Христа в дольном мире. Для венценосца-воителя, защитника подданных, такое символическое отображение выглядит органично и закономерно; мирная и милостивая агнецевая составляющая для него не всегда обязательна.

В то же время для символики верховного духовного владыки армян - также в определённом смысле являвшегося подобием Спасителя - «излишней» как раз представляется ипостась львиная. На реверсе хранящихся в тирольских архивах восковых печатей католикоса Акоба I (1268-1286) изображён Агнец Божий, держащий согнутой передней лапой посох с

¹⁴⁰ *Պետրոսեան*, Գ2. աշխ., էջ 357; *К. Оганесян*. Арин-берд. Архитектура Эребуни по материалам раскопок 1950-1959 гг. - Археологические раскопки в Армении, № 9, с. 63, рис. 32.

крестовым знаком или знаменем. При этом на их лицевой стороне запечатлён - восседающим на длинной скамье, с ногами, упирающимися в некую подставку - образ самого владыки. О высоком сане перво-священника свидетельствуют его облачение и посох (илл. 16)¹⁴¹.

Параллели между печатями католикоса, с одной стороны, и монетами и буллами королей Армении с образом льва-агнца, с другой, очевидны. Восседающий на скамье духовный владыка напоминает «короля во славе», то есть, тронный тип владыки светского (сцены аверса). Агнец же католикоса имеет иконографическое сходство со львом-агнцем тагаворов и, по сути, является его «половинкой» (образы реверса). Наконец, аналогичны и формулы легенд. На одном из дидрамов Левона I они следующие - «Левон король всех армян» (ԼԵՒՈՆ ԹԱԳԱՒՈՐ ԱՄԵՆԱՅՆ ՀԱՅՈՑ) и «Могуществом Божиим» (ԳՐՈՂՈՒԹԲՆ ԱՍՏՈՒԾՈՅ) ¹⁴², на печатях Акоба I - «Акоб слуга Божий католикос» (ՅԱԿՈԲ ԾԱՌԱ ԱՅ ԿԱԹՈՂԻԿՈՍ) и «Могуществом Божиим и Иисуса Христа, сына Божьего» (ԿԱՐՈՂԹԲՆ ԱՅ ԵՒ ՅԻ ՔԻ ՈՐԴՈՅՆ ԱՅ) ¹⁴³. Данные параллели отнюдь не случайны. Они являются следствием того, что рассмотренные выше львиные («лев под крестом», «человекоподобная голова льва»), агнецевый и синтетический львино-агнецевый образы являются символическим отображением одного мировоззрения на природу верховной власти, как светской, так и духовной.

Ещё одним примером сочетания львиной и крестовой символики на памятниках периода Армянского королевства является композиция реверса полудрамов,

¹⁴¹ *W. Seibt, M. Bitschnau*. Wachssiegel des Armenischen Katholikos Jakob I. (1268-1286) auf Tirolischen Ablassurkunden des Jahres 1293. - *Revue des Études Arméniennes*, t. 34, p. 385-388, fig. 1-4.

¹⁴² *Nercessian*. op. cit., p. 112-113, plate 20 (268).

¹⁴³ *Seibt-Bitschnau*, op. cit., p. 386.

драмов (в том числе так называемых «коронационных») и некоторых золотых монет Левона I – два противоположенных обернувшихся льва, разделённых длинным посохом с крестовым знаком¹⁴⁴, который на некоторых экземплярах напоминает по типу патриарший крест (илл. 17). Рассмотрение данной сцены, исследование её этимологии и семантики не входит в задачи настоящей статьи. Не углубляясь в эту весьма обширную тему, мы, тем не менее, полагаем немаловажным обратить внимание на обстоятельство, которое до сих пор (насколько нам известно), не отмечено нумизматами и другими комментаторами армянской символики.

Речь идёт о сходстве описанной композиции с аналогичной сценой реверса одного из экземпляров монет, которую Г. - Ф. Каппе датировал 1184 годом и относил к совместной чеканке императора Священной Римской империи Фридриха I и его сына, преемника, а в последние годы и соправителя Генриха (в будущем императора Генриха VI)¹⁴⁵. Напомним, что к ним обоим – в бытность каждого из них императором – Левон I обращался за королевской короной; от второго он её в итоге получил.

На лицевой стороне упомянутого экземпляра изображены две коронованные фигуры (выше пояса), обрамлённые в двусторчатую арку с колоннами, стилизованными в виде трилистника; на обратной – два противоположенных обернувшихся

¹⁴⁴ Necessian. op. cit., p. 109-112, 114-119, plates 18-22 (254, 255, 258-267, 277-279, 282-299); Bedoukian, op. cit., p. 57-59, 66a, 76, plate II, III (83v, 88, 117, 228, 261, 403, 551, 571v, 672). Данная композиция встречается также на реверсе драмов королей Смбага (1296 - 1298) и Ошина (1308 - 1320) – см.: Necessian. op. cit., p. 146-147, 155-156, plates 33, 36 (407-410, 438-440); Bedoukian, op. cit., p. 90, 92, plates VIII, X (1655, 1657, 1667v, 1671a, 1841, 1842).

¹⁴⁵ Ph. Grierson, L. Travaini. *Medieval European coinage*, v. 14 (South Italy, Sicily, Sardinia). Cambridge, 1998, p. 148.

льва и между ними посох с трёхлистным лилиевидным завершением (илл. 18)¹⁴⁶. Композиции аверса и реверса представляются аналогичными, с той разницей, что на одной сцене соправители (отец и сын) изображены в человеческом облике, а на другой – отображены посредством символических животных, в данном случае, львов. Парность персонажей обеих композиций наводит на мысль, что, помимо уже прокомментированных нами выше смыслов, она отображает также идею преемственности власти венценосца.

Левон I тоже имел преемника и формального соправителя, так называемого «молодого короля» (rex junior). Им был его внучатый племянник Рубен, коронованный 15 августа 1211 г. короной, полученной от императора Священной Римской империи Оттона IV¹⁴⁷. В этой связи несомненная схожесть сцены реверса проиллюстрированной монеты Фридриха I и его сына Генриха с парной львиной композицией монет Левона I вызывает особый интерес. Единственное существенное отличие между ними – посох в одном случае заканчивается крестовым знаком, во втором – лилиевидным.

Констатируя данную схожесть, мы считаем её недостаточным основанием для версии о заимствовании сцены подобного типа в армянскую королевскую символику из германской. Также мы воздерживаемся от вывода, что она символизирует преемственность королевской (императорской) власти¹⁴⁸. Тем не менее, очередная парал-

¹⁴⁶ Carpe, I, p. 143 (649; Taf. IX, 149).

¹⁴⁷ Հայերէն ձեռագրերի յիշատակարաններ, ԺԳ դար, էջ 76-77; Միքայիլ Սպարապետ, թ. 659; Wilbrandus de Oldenborg, p. 178; Տէր-Պետրոսյան, ԳԶ, աշխ., էջ 221-222.

¹⁴⁸ Тем более что композиция с двумя противоположенными обернувшимися львами встречается не только в символике Левона I, но также и на драмах королей Смбага (1296-1298) и Ошина (1308-1320), о соправителях которых ничего неизвестно – см.: Necessian. op. cit., p. 146-147,

лель между монетной/сфрагистической символикой Левона I и современных императоров Священной Римской империи, его перспективного и состоявшегося¹⁴⁹ сюзерена, представляется нам достойной пристального исследовательского интереса.

Также мы полагаем важным подчеркнуть, что парная львиная композиция не присутствует ни на одной сохранившейся печати Левона I. На реверсе его пяти булл – по двум из которых сохранились лишь описания – неизменно запечатлён одиночный лев (лев-агнец). Самый ранний из этих сфрагистических памятников датируется мартом 1201 г.¹⁵⁰, наиболее поздний – мартом 1215 г.¹⁵¹; остальные – периодом около 1207 г.¹⁵² На основании этого можно заключить, что сцена со львом-агнцем была «важнее» чем композиция парных львов, разделённых крестом. Датировка сохранившихся печатей также наводит на мысль, что образ льва-агнца использовался и не терял своего значения в течение всего правления Левона I или, по крайней мере, большей его части.

Резюмируя исследование настоящей статьи, мы приходим к следующим выводам. Появившийся на монетах и печатях первого короля Армении Левона I около 1198 г. тип льва-агнца является синтетическим. Он сложился на основе двух животных образов, каждый из которых, согласно соответствующим пассажирам священного писания, символизирует Христа, точнее различные его ипостаси: лев – царственное величие, происхождение от царей Израилевых, карающую Божию силу; Агнец Божий – жертвенность, кротость,

¹⁴⁹ 155-156, plates 33, 36 (407-410, 438-440); Bedoukian, op. cit., p. 90, 92, plates VIII, X (1655, 1657, 1667v, 1671a, 1841, 1842).

¹⁵⁰ Состоявшегося посмертно, поскольку Генрих VI скончался незадолго до коронации Левона I, в конце сентября 1197 г.

¹⁵¹ Langlois, *Le trésor*, p. 105-108.

¹⁵² Ibid., p. 126-127; Langlois, *Essai historique*, p. 13.

¹⁵³ Schlumberger, *Bulles d'or*, p. 2.

милосердие, благосклонность, щедрость, доброту.

Оба этих символа по отдельности были широко распространены в западноевропейском искусстве XII в. Они использовались – опять же, по отдельности – и во владетельной символике и эмблематике, поскольку мировоззрение той эпохи видело в идеальном государе-венценосце земное подобие Христа. Словом, короли и императоры тоже наделялись львиными и агнцевыми качествами, в том числе, и посредством символики. Во второй половине указанного столетия Агнец Божий – до того в армянском изобразительном искусстве отсутствовавший – появляется на миниатюрах рукописей армян Приевфратья и Киликии, территорий, находившихся в тесной связи с государствами, основанными западноевропейскими крестоносцами.

Что касается льва как «заместителя» Христа и его подобия тагавора, то на присутствие этого образа в наглядной армянской символике до эпохи Крестовых походов и коронации Левона I может указывать крестово-львиная композиция вышеупомянутого анийского рельефа¹⁵³.

¹⁵³ Датирование «льва под крестом», запечатлённого близ Главных ворот Ани, весьма проблематично. Этот участок городских укреплений, построенного обширного комплекса укреплений, построенного в правление царя царей Смбага II Багратуни (977-989). – см.: Տիգրանյան պատմությունը Փոստիփաննու վարդապետի Տարոնցոյ. Փարիզ, 1854, էջ 174; Կ. Մարտիրոսյան. Անի-Շիրազի պատմությունը էջեր. Երևան, 2010, էջ 14-16; Թ. Յակոբյան. Անի մարտիրոսը. Երևան, 1988, էջ 114-116. Однако, по наблюдению Н. Марра, руководившего Анийской археологической экспедицией, постройка Смбага II почти не видна под более поздними отделками и облицовками. Согласно его мнению, анийский «лев под крестом» относится не к царствованию Багратуни, а к весьма условному более позднему периоду, который он называл «эпохой расцвета городской жизни в Ани». – см. Н. Марр. *Ани. Ереван, 1939, с. 143-144.* Выводы Марра-археолога следует принять во внимание. В то же вре-

необходимо отметить, что ни он, ни его ученик И. Орбели, также касавшийся анийского рельефа в своих работах, не провели исчерпывающего исследования этимологии и семантики данной композиции, без которого, на наш взгляд, обоснованная датировка памятника невозможна. В связи с этим характерно, что один из них называл анийского льва барсом, а второй – даже тигром. – см.: Ibid.; **И. Орбели. Избранные труды.** Ереван, 1963, с. 115. Мы полагаем очевидным, что данная композиция, включавшая в себя крестовый знак, сложилась в один из тех периодов, когда город находился под верховной властью христианского правителя. В связи с этим наиболее вероятными периодами появления рельефа мы полагаем промежуток между правлением Смбата II включительно и падением царства Багратуни (980-е гг. - 1045) либо то время, когда хозяевами Ани являлись Закаряны (1199 - 1236). Для нас также не подлежит сомнению, что в ходе исследования анийского «льва под крестом» должен быть поставлен вопрос о его вероятной корреляции с аналогичным львиным типом монет Армянского королевства. Значение образа нами рассмотрено; так же, как и лев-агнец, он являлся символом власти идеального христианского государя. Поскольку «лев под крестом» запечатлён на стене Ани близ Главных ворот, нельзя исключать, что он в той или иной мере использовался не только как символ, но и как эмблема багратунийского царя царей, владетеля столичного города. При этом заключённые во льве смыслы, о которых мы говорили выше, позволяют рассматривать этого символического хищника и как знак царского статуса (мы затрудняемся определить, насколько выбор льва как эмблемы мог отражать также легенду о происхождении Багратуни от царей Израилевых). Царским статусом обладали не только анийские Багратуни, но и представители некоторых младших ветвей фамилии. Не исключено, что именно с этим обстоятельством связано распространение различных львиных изображений в ширакских (Ани, Айкадзор), лорийских (Санаин) и ванандских (Карс) владениях Багратуни. – см.: **Март**, указ. раб., с. 143; **Н. Март. Ани.** Москва, 1934, pl. XXXIX, рис. 163; **Н. Март. Раскопки в Ани в 1904 г.** – Известия императорской археологической комиссии, вып. 18. Санкт-Петербург, 1906, с. 89, рис. 9; **Н. Март. Реестр предметов древности из VI-й (1907 г.) археологической кампании в Ани.** – Анийская серия, № 2. Санкт-Петербург, 1908, с. 37, рис. 7; **Р. Матевосян. Истоки армянской геральдики.** – Гербовед. Москва, 1996, № 10, с. 49-50, 52. Чеканившие монеты с изображениями

львов Рубеняны также являлись царями, точнее королями. Более того, они – в целях легитимации своего королевского статуса – возводили себя к Багратуни. Претензия на подобную преемственность обычно сопровождается заимствованием символики. С учётом всего этого присутствие на серебре Рубенянов сцены «лев под крестом» является весьма существенным аргументом в пользу датирования аналогичного анийского памятника эпохой Багратуни. Закаряны, в отличие от Рубенянов, царским статусом не обладали. Возможно, именно с этим связано то обстоятельство, что нам неизвестны какие-либо изображения львов, твёрдо связываемые с представителями данного семейства. В то же время, мы не можем исключить полностью причастность Закарянов к созданию анийского «льва под крестом». Следует обратить внимание на то, что в годы рождения Армянского королевства Киликии Закаре и Иване Закаряны спонсировали строительство церкви в Ариче (1194-1201 гг.) на восточной стене которой представлена композиция, напоминающая анийскую: крест, упирающийся в рамку, внутри которой изображены ктитория, упомянутые князья. То есть, налицо три почти одновременных обстоятельства: коронация Левона I Рубеняна и начало выпуска монет с львино-крестовой символикой (1198 г.); утверждение Закарянов в Ани (1199 г.); появление в Ариче композиции, близкой по построению анийскому рельефу (ок. 1201 г.). Выводы из этого сопоставления могут последовать разные. Можно, например, предположить, что анийский «лев под крестом» являлся подражанием «киликийскому» и продолжением «аричской» темы. Или наоборот, как допускает К. Матевосян, композиция в Ариче могла быть выстроена по принципу сцены рельефа анийских стен (к тому времени уже существовавшего), отражая, таким образом, амбиции Закарянов стать преемниками «шахиншахов» («царь царей») Багратуни на бывших землях этого царственного семейства. К сказанному добавим следующее: то, что известно несколько рельефов кошачьих хищников, атрибутируемых представителям Багратуни (см. выше), и ни одного львиного изображения, относимого Закарянам, значительно уменьшает вероятность «закаряновской версии» рассматриваемого анийского рельефа. Приведёнными сопоставлениями тема его датирования не исчерпывается. Мы прекращаем её в надежде на то, что дальнейшие исследования дадут дополнительный материал для выводов. В заключении мы вынуждены отметить, что до настоящего времени анийская композиция «лев под крестом» в целостном виде не сохранилась. Вследствие вар-

Кроме того, образ «Христос-лев» нашёл отражение и в армянской литературной символике обозначенного периода. Это подтверждается, в частности, примером упомянутого выше стихотворения Григора Нарекаци.

Нам не известны другие, иностранные примеры львов-агнцев. Исходя из этого, мы предполагаем, что синтез двух образов в один тип имел место на армянской почве. Вероятно, это произошло в канве идеологической подготовки коронации Левона I. Эпохальное превращение парона Армянского в тагавора ставило задачу легитимации его нового статуса. Пропаганда представления об идеальном государе (а изображения и легенды печатей и монет служили именно пропагандистским целям) была одним из основных методов решения данной задачи.

Если наши предположения об отсутствии синтетического образа льва-агнца в иностранной символике верны, то следует отметить «креативность» его армянских создателей, столь выразительно, лаконично и «компактно» соединивших две ипостаси в один составной образ, оптимальным образом соответствующий представлению об идеале христианского властителя. Данный двойственный символ представляется нам более содержательным, чем тип «льва под крестом», не отражающий милостивые качества идеального тагавора,

которыми он «повёрнут» к добрым подданным и христианам.

Исследование настоящей статьи позволяет прояснить не только этимологию и семантику образа льва-агнца, но и период его использования на недатированных монетах и печатях королей Армении. Как мы показали выше, этот временной промежуток можно очертить следующим образом: «ок. 1198 г. – ок. 1271 г.». Указанные рамки несколько условны. Монеты со львом-агнцем могли чеканиться и незадолго до 1198 г., в преддверии учреждения Левоном I Армянского королевства, а также некоторое время после церемониального обретения Левоном II короны в 1271 г.

Рамки лет в данном случае означают то, что в эти годы произошли события, к которым были приурочены первый и последний выпуск драмов с синтетическим львино-агнцевым образом на реверсе. Речь идёт о коронациях двух Левонов, деда и внука, между которыми правил отец последнего Гетум I, в чьей символической галерее лев-агнец также присутствует¹⁵⁴. Параллельно с этим образом на монетах всех трёх названных венценосцев изображалась и лишённая агнцевой составляющей сцена «лев под крестом», которая и вытеснила в последней четверти XIII в. из нумизматической символики королей Армении рассмотренный нами тип льва-агнца.

¹⁵⁴ От царствовавшего в период между Левоном I и Гетумом I тагавора Филиппа (1222 - 1225) монет не сохранилось. – см.: **Nercessian.** op. cit., p. 123.

Илл. 1а – 1е. Рыцарские образы государей на монетах парона Армянского Левона II (1а, 1б), печатях князя Антиохии Боэмунда III (1с), графов Триполи Понса и Раймонда III (1д, 1е).

Илл. 2а, 2б. Образ императора-всадника, запечатлённый на брактеатах Фридриха I Барбароссы (2а) и Генриха VI (2б).

Илл. 3 Копейные флажки с развевающимися косами на миниатюре Тороса Рослина Евангелия 1262 г. (Walters Armenian Manuscript, W. 539, f. 19).

Илл. 4 Гонфанон с изображением идущего обращённого льва на фрагменте миниатюры одной из армянских версий «Романа об Александре» (Венеция, Матенадаран о. Св. Лазаря, Ms. 424, f. 89v).

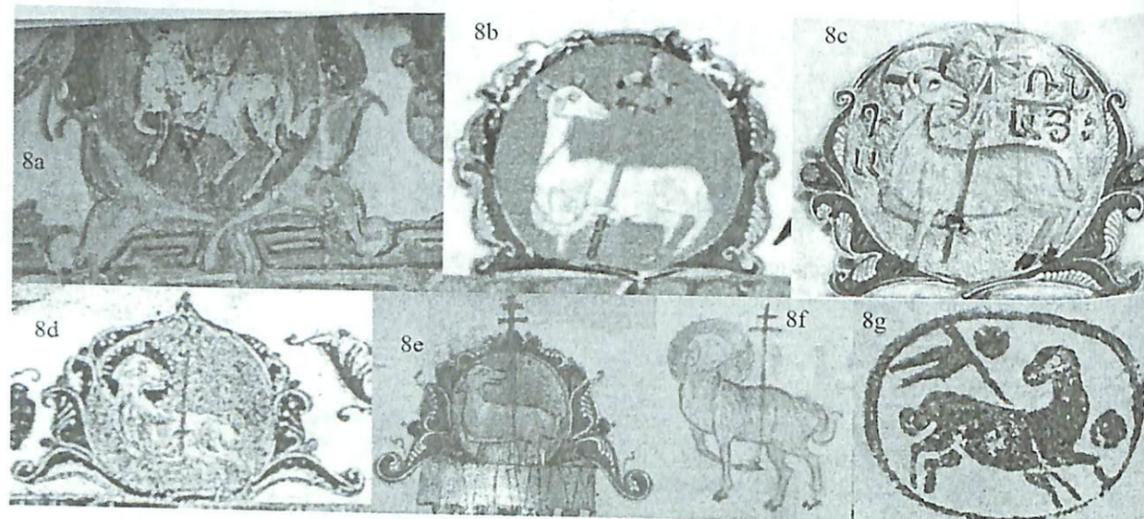

Илл. 5а, 5б. Золотая булла (5а) и дидрам Левона I (5б): Av. – сцена «королевского величества», Rv. – образ льва-агнца (изображение монеты: А. Nercissiantz coll., Armenian numismatic page, by Levon Vrtanesyan).

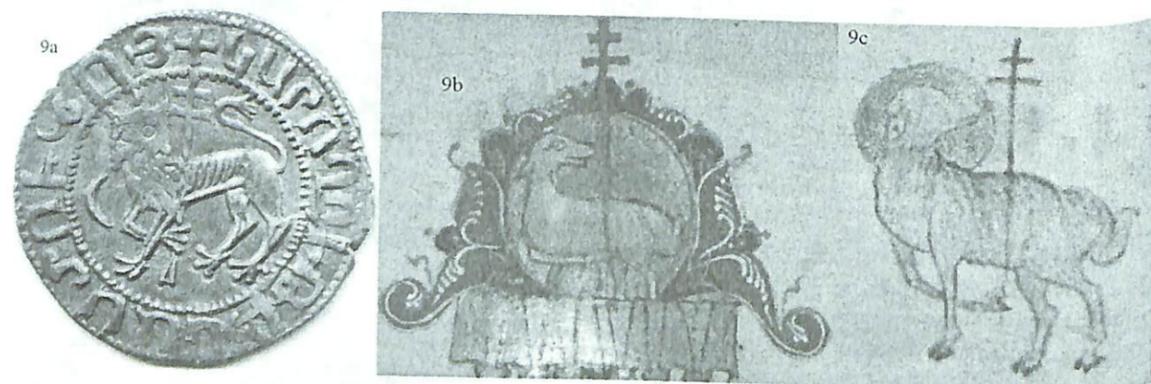
Илл. 6. Агнец и крест на медной монете Раймонда III, графа Триполи.

Илл. 7а, 7б. Лев-агнец печати Левона I (7а) и Агнец Божий монеты Фридриха I Барбароссы (7б).

Илл. 8а – 8г. Агнцы Божьи армянских манускриптов XII – XIII в. (8а – 8f) и оттиска печати Нерсеса Ламбронаци (8g).

Илл. 9а – 9с. Лев-агнец дидрама Левона I в сопоставлении с агнцами ЧетвероЕвангелия 1262 г.

Илл. 10. Коронованная человекообразная голова льва на танге Левона I (A. Nercissiantz coll., Armenian numismatic page, by Levon Vrtanesyan).

Илл. 11а, 11б. Биллоны Левона I, короля Армении (11а), и его зятя Жана де Бриенна, короля Иерусалима (11б)..

Илл. 12а – 12е. Сцены «королевского величества» на печатях короля Армении Левона I (12а), короля Иерусалима Жанна де Бриенна (12б), короля Франции Филиппа II Августа (12е), брактетах императоров Священной Римской империи Фридриха I Барбароссы (12с) и Генриха VI (12д).

Илл. 13. Аверс так называемого «коронационного драма» Левона I. Венценосец, преклонивший колени перед фигурой Христа (A. Nercissiantz coll., Armenian numismatic page, by Levon Vrtanesyan).

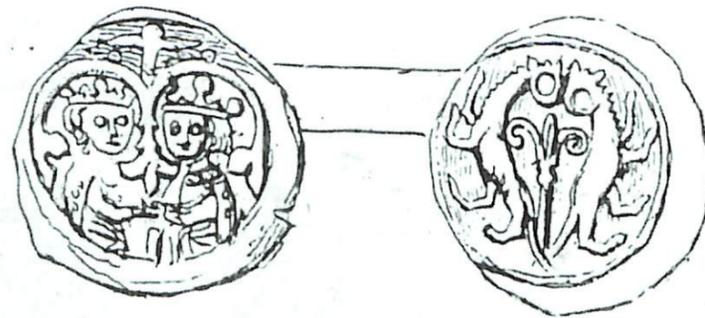
Илл. 14а, 14б. Тип льва-агнца на реверсе драмов королей Армении Гетума I (14а) и Левона II (14б).

Илл. 15а – 15е. Композиция “лев под крестом” рельефа близ Главных ворот города Ани (15а) и деревянного пюпитра из Ани. Она же – на реверсе дидрама Левона I (15с), драма Левона II (15д), тагворина Левона III (15е). Изображение последней монеты из: A. Nercissiantz coll., Armenian numismatic page, by Levon Vrtanesyan.

Илл. 17 Разделённые крестовым посохом парные противоположенные обернувшиеся львы на реверсе драма Левона I (A. Nercissiantz coll., Armenian numismatic page, by Levon Vrtanesyan).

Илл. 18 Парные противоположенные обернувшиеся львы на монете императора Фридриха I Барбароссы и его сына и соправителя Генриха (будущего императора Генриха VI).

Илл. 16. Изображения Агнца Божьего на печатях католикоса Акоба I (изображение: W. Seibt, M. Bitschnau).

THE EARLY ARRIVAL OF PRINT IN SAFAVID IRAN:

NEW LIGHT ON THE FIRST ARMENIAN PRINTING PRESS IN NEW JULFA,
ISFAHAN (1636-1650, 1686-1693)

Sebouh David Aslanian

In the summer of 1628, a caravan with Carmelite missionaries Fathers Dominic of Christ and Matthew of the Cross slowly traversed the perilous long stretch of desert extending from Aleppo to Baghdad and gradually wound its way to the Safavid capital of Isfahan. Among the pilgrims, missionaries, merchants, and the variety of commodities that no doubt accompanied the camels was an unusual object: a wooden printing press with “349 Arabic letter sorts as well as two instruments to set up the type.”¹ The con-

traption was so cumbersome and heavy to carry, remarked Father Dominic in a letter from Baghdad, “that one camel could hardly bring it.”² When the print-

Floor, Dickran Kouymjian, and Marc Mamigonian for reading an earlier draft of this essay and offering helpful comments and to Thierry O’harera for helping to ensure the accuracy of my translations from seventeenth-century French. I thank Albert S. Khocharian for drawing the map. My greatest debt, as usual, goes to Dr. Hourii Berberian for commenting on an earlier draft and for helping me think through my initial ideas and test their soundness. All shortcomings in this paper are, of course, my own.

¹ Jonathan Bloom, *Paper Before Print: The History and Impact of Paper in the Islamic World* (New Haven: Yale University Press, 2001), 221.

² This fleeting episode is captured in a correspondence belonging to Carmelite missionaries in Iran. See H. Chick, Ed. *A Chronicle of the Carmelites in Persia*, volume 1 (London: Eyre and Spottiswoode, 1939), 305. The idea of importing a printing press with Arabic-script movable type into Iran appears to have been the brainchild of Carmelite missionary Father John Thaddeus who “acquainted” Shah ‘Abbas I with the art of printing during a visit to the court in Qazvin in 1618. Father Thaddeus records in one of his letters how he “presented to the king an alphabet in Arabic, and acquainted him with printing of Arabic and Persian letters, about which he showed much interest and expressed a wish to introduce it into his own country.” After describing this incident, Father Thaddeus adds the following note to his superiors in Rome: “If we could have one [set of type] and introduce it here, it would be of great advantage to our Religion and the spreading of it: The Shah has even charged me to procure it; so that my visit to his Maj-

* I would like to express my deep gratitude to Nile Green for deepening my appreciation of print history and especially for encouraging me first to think more historically about the larger question of the divergence of Armenian and Perso-Arabic histories of print. The extent of my debt to his work will be apparent in the footnotes that follow. Afshin Matin Asgari, Nile Green, Rahim Shahegan, and James Russell patiently responded to lexical queries and helped with some technical vocabulary in Persian and Turkish relating to the printing press. I am also grateful to Meliné Pehlivanian for sharing with me her unpublished essay on Julfa print. Meroujan Karapetyan was generous in first bringing to my attention the letters of Stepanos Vardapet discussed in detail and translated for the first time in the last section of this essay; though I had long discovered the collection of papers from the Archivio di Stato di Firenze (ASF) from which these letters hailed, I first became aware of the print-related contents of the documents in question thanks to Dr. Karapetyan, and for that, as well as for useful suggestions on this essay, I am deeply grateful to him. My thanks also go to Edmund Herzig, Willem